30 коп.
Д В191
О-527

Я. ОКУНЕВ

ТАМ ГДЕ ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1930

ЭР03530
ДВ государственная научная библиотека

ДВГНБ

644029

ЭР03530

РАБОЧАЯ БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА I СТУПЕНИ
СЕРИЯ ПО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЮ

V ФВ 191
0-527

Я. ОКУНЕВ

ТАМ, ГДЕ ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КРАЙ

Комиссией по учебникам при Главсоцвосе допущено для школ I ступени

ДВГНБ

V 1298675 t V. V
Хабаровская краевая БИБЛИОТЕКА
0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

ЭР03530

ДВГНБ

Главлит № А 63281. Гиз № 37430. Инд. У.17. Тираж 10.000 экз.

6-я типо-литография Транспечати. Москва, Переяславская, 46.

ЭР03530

I. В УССУРИИСКОЙ ТАЙГЕ.

Охотник на тигров. Удэхейцы. Первобытный торг. Кореец Пак. Беседа с собакой. Закон тайги. Тигр женится. Пак дает мне урок. В гостях у лесного племени.

В Москве два часа пополуночи, а здесь яркое большое солнце торопливо взбирается на небосклон и уже одолело добрую четверть своего пути. Дальний Восток просыпается тогда, когда в Москве собираются ко сну, солнце встает здесь на семь часов раньше.

Перенесенный в девять суток за 10 тысяч километров, в Уссурийский край, я не могу сразу приспособиться к новому порядку.

Около двух часов назад я сошел с поезда на станции Уссури. В полусне я сел в широкую кошевку, увидал далеко синие сопки [1], тайгу, блеснула широкая полоса голубой стали — река Уссури, и все провалилось в сладкий дремотный туман. Я уснул.

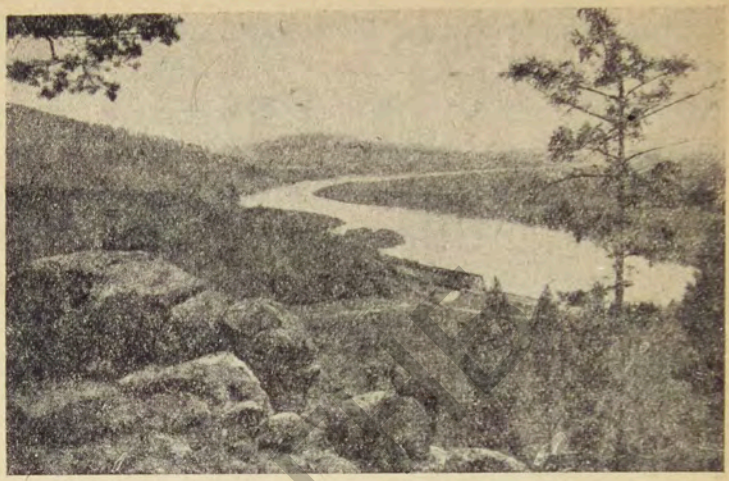
Было условлено заранее, что меня повезет до поселка уссурийский казак Михайлов, что оттуда до места меня поведет через тайгу кореец-охотник Пак, и я мог спать без забот.

---

[1] Сопки — холмы, в большинстве вулканического происхождения.

ЭР03530

Вероятно маленькие крепкие уссурийские лошадки довезли меня в свое время куда надо; должно быть я сошел с кошевки и вошел в избу Михайлова — иначе не могло быть. Но я проснулся

Река Уссури.

на лавке, на шкурах, накрытый оленьей дохой, и ничего не помнил.

*

Михайлову семьдесят лет, у него широкая серебряная борода и белые кудри, но из этого серебряного гнезда глядят молодые острые глаза, лицо свеже и не помято морщинами, и если смотреть на Михайлова сзади на его гибкую, как у тигра, стройную фигуру, то ему можно дать не больше тридцати.

Он — охотник. Он бродит по тайге «с молодых ногтей» и знает дикую Уссурийскую тайгу вдоль и поперек.

ЭР03530

На стене, над широкой семейной кроватью с горой подушек в ситцевых наволочках, висит полосатая тигровая шкура.

— У меня их семнадцать штук, — говорит Михайлов. — Под этим тигром я лежал и уже прощался с белым светом, будь оно неладно. Но я всадил ему нож в сердце. Хитрый зверь! Он выскакивает на тебя и сразу валит.

В тайге у Михайлова охотничья заимка. В ней он живет летом, в разгар охоты на изюбря [1], панты [2] которого ценятся на вес золота китайцами как чудодейственное средство против всех болезней. Но Михайлов гонится не за пантами: его заветная мечта — довести число тигровых шкур до двадцати штук.

— Прежде бывало, — рассказывает он, — тигры выходили по ночам из тайги. Случалось, мурлыкали у самого поселка и драли скот, а то и людей. А нынче — дудки: поумнел зверь. Прячется в таежной чаще, куда человеку и не пройти.

На другой стене, у кровати — фотографии и лубочные картинки, засиженные мухами. На выцветшей фотографии снята группа казаков в парадных мундирах, в папахах, в центре группы сидит на стуле, раскорячив ноги, Николай II, а Михайлов, увешанный через всю грудь орденами, полулежит у ног царя.

Но на той же стене висит портрет Ленина, и хлебным мякишем прилеплена картина, изобра-

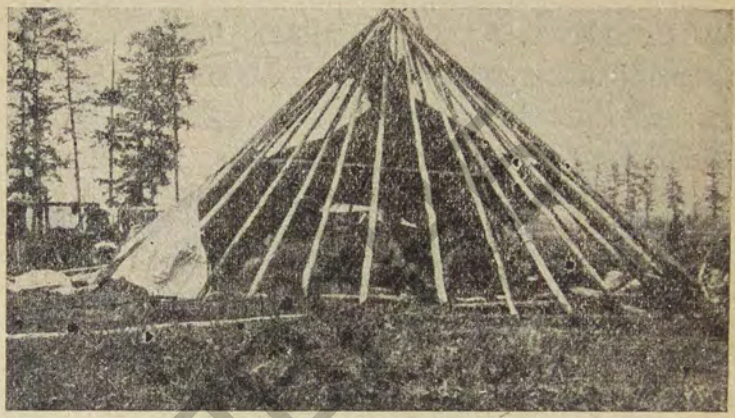
[1] Изюбрь — порода оленей.

[2] Панты — весенние наросты на рогах оленя.

ЭР03530

жающая Ворошилова на коне. Двенадцатилетняя внучка казака Михайлова, в красном галстуке, сосредоточенно сопит над столом, вырезывая из золотой бумаги буквы для знамени.

— Что признаю, то признаю,—говорит Михайлов, глядя на внучку потеплевшим взглядом:— Старому — в могилу, молодому — жить. Ваше время поумнее нашего. Только, по-моему, по стариков-

Летняя юрта племени Удэхе.

скому, больно широко забираете, горячи вы, черти, вот что я скажу. Что оно из того выйдет, не знаю, а что сила ваша свежая, чую.

С корейцем Паком было условлено встретиться в фактории [1] Охотсоюза. Он будет моим проводником и переводчиком. Надо условиться о времени и плате.

Пака в фактории еще нет. На полу на корточках сидят старик и мальчик лет восьми. У обоих узкие, косо прорезанные глаза, желтовато-бронзо-

[1] Фактория — торговое поселение со складами для товаров.

ЭР03530

вые лица, черные прямые волосы. Если бы не китайский разрез глаз — они были бы совсем похожи на американских индейцев.

Это — удэхейцы. Маленькое вымирающее племя удэхе живет в глубине Уссурийской тайги, недалеко от Хабаровска. Удэхейцы — охотники. Они живут замкнуто, почти первобытной жизнью, в юртах, и выходят из тайги только тогда, когда им надо обменять шкуры на продукты.

Оба удэхейца, старик и мальчик, курят трубки. Смешно видеть, как малыш, солидно оттопырив губы, выпускает синие кольца дыма. Перед удэхейцами лежит связка собольих шкурок.

Не так просто для удэхейца продать шкуры. Он не верит людям, которые живут в домах, вне тайги, счета денег он не знает и торопиться не любит.

Он входит в факторию молча и важно, садится на пол (стульев он не признает), медленно выкуривает трубку и кладет шкурки на прилавок.

— Что твоя давай? — спрашивает он.

Заведующий пересматривает шкурки и перечисляет товары, которые он даст в обмен удэхейцу: столько-то муки, табаку, мануфактуры, дроби.

Удэхеец качает головой:

— Твоя хитрый люди.

И садится опять на пол и выкуривает вторую трубку. Потом снова кладет шкурки на прилавок.

— Что твоя давай? — повторяет он прежний вопрос.

Торг вперемежку с трубками тянется несколько часов. Когда сделка заключена, удэхеец закури-

ЭР03530

вает последнюю трубку и передает ее из своего рта заведующему:

— Моя хорошо и твоя хорошо. Кури, товарища будем.

★

Пак пришел к концу торга, и мы условились выйти на заре.

Это был крепкий, коренастый человек с реденькой бородкой из нескольких смоляных волосков. На его смугло-желтом лице сверкали острые кротовьи глазки. С ним была коротколапая, с длинным туловищем лайка.

Он говорил по-русски на смешанном ломаном наречии, как говорят почти все корейцы и китайцы Дальнего Востока. Когда я попытался обратиться к нему с правильной фразой, он недоуменно взглянул на меня и мотнул головой:

— Мой твоя не понимай.

Тайга начиналась тут же, в трех километрах. Мы сразу вступили в сырой прохладный сумрак. Высоко над головой непроницаемой стеной переплелись ветви кедров и пихт. Толстые неохватные стволы деревьев стояли тесно, перевитые живой зеленой сетью ползучих растений. Дорогу то-и-дело перегораживали «пади», огромные трупы деревьев, через которые приходилось перелезать.

Еще доносились заглушенные далью гудки паровоза с железной дороги, но скоро и они заглохли. Тогда я услыхал «голос тайги», про который мне рассказывали прежде таежные охотники. Сотни шорохов, потрескиваний, шопотов, отдаленных и

ЭР03530

близких, точно кто-то крался, подползал, шуршал по валежнику внизу и в хвое наверху. И все это в полумраке, похожем на сумерки, хотя был яркий день и иногда сверху брызгали солнечные пятна и впереди пробивались косые опаловые полосы солнечных лучей.

Мы шли по едва заметной тропе, которая часто и совсем пропадала. Пак уверенно шагал в своих суконных туфлях на толстой войлочной подошве. Иногда он останавливался, разглядывал какую-нибудь веточку или ствол кедра. Лайка шла по его следу и останавливалась вместе с ним.

— Твоя стой. Моя читай.

Он читал по зарубкам, по веткам — они вели его к месту. В тайге кореец Пак был грамотный человек, а я здесь был слеп, глуп и неграмотен. Он сказал что-то по-корейски собаке, и она легла.

— Изюбря идет! — поднял он вдруг руку. — Одна изюбря. Мадама. Пей вода хочу.

На его языке это означало, что «мадама», т. е. самка изюбря, идет одна на водопой.

Он вскинул ружье.

— Твоя подожди, мешай не надо.

Я ничего не слышал. Тот же шорох и потрескивание. Неожиданно Пак опустил ружье.

— Еще изюбря. Мужик. Его жениться хочу. Стреляй не надо.

Теперь я услышал рев самца-изюбря, «мужика», как его назвал Пак. Он звал могучими трубными звуками «мадаму» — самку. Слева затрещал валежник, и шагах в пятидесяти, разрывая вели-

ЭР03530

колепными ветвистыми рогами крепкую сеть ползучих растений, промелькнул рыжевато-серебристый молодой изюбрь.

— Ветер на изюбря ходи, изюбря нюхай люди, — об'яснил Пак и вынул расшитый лосевый кисет с табаком и трубку с тоненьким мундштуком. — Наша мало-мало отдыхай надо, — сказал он, сев на поваленное дерево.

Собака села против него. Пак курил и разговаривал с собакой по-корейски, скаля желтые прокуренные зубы. Собака виляла пушистым хвостом и тоже скалилась.

— Что твоя говори, Пак? — спросил я на его исковерканном наречии.

— Моя говори: ваша книга учи. Сто книга. Два сто книга. Ваша бумага пиши. Много бумага. Ваша иметь тяжелый голова. Ваша изюбря не знай, где мужик иди, где мадама, где вода беги. Моя еще говорил: Пак тайга учи, Пак иметь легкий голова, легкий ухо, легкий нога.

— Зачем же ты это собаке говоришь?

— Собака понимай есть, — убежденно ответил Пак. — Какой слово моя говори — его все понимай. Какой зверя иди — собака понимай. А ваша не понимай, — закончил он с плохо скрытым презрением ко мне, городскому человеку, который, по его мнению, глупее его собаки.

Он поднялся. До места еще было далеко, а мы шли уже этими трудными тропками около трех часов. Пак шел той же легкой походкой, как вначале. У него, действительно, были легкие ноги и удиви-

ЭР03530

тельное чутье. Через несколько минут открылась прогалина, и сверкнуло сталью. Светлый таежный ручеек бежал, обтекая «падь».

— Смотри — моя верно говори. Здесь зверя вода пей, — торжествуя надо мной, оскалился Пак.

Немудрено, что Пак так знал тайгу. Он был таежным охотником, он добывал панты, бил белку, расставлял в тайге капканы на соболя и барсука и даже охотился на тигра, которого с уважением и страхом называл господином Амба [1]. В глубине тайги, куда мы шли, была вырыта западня — яма для изюбрей.

Но у Пака не было ничего кроме ружья и собаки, потому что дорогие панты и чудодейственные усы тигра у него скупали тайно за гроши китайские спекулянты-контрабандисты [2], а соболь и барсук не так-то легко шли в капкан. Кроме того у Пака была «легкий голова» — после удачи он отправлялся во Владивосток. Там, в тайной опиокурильне он накуривался до потери сознания, его обирали до нитки и одурманенного выбрасывали на улицу.

На привале у речки Пак рассказал мне:

— Бабушки (жены) Пак не имей — собака имей. Фанза нет — Пак тайга живи. Товарища не надо, ружье — товарищ.

Узенькая тропа спускалась в заросший кустарником, заваленный упавшими деревьями овраг.

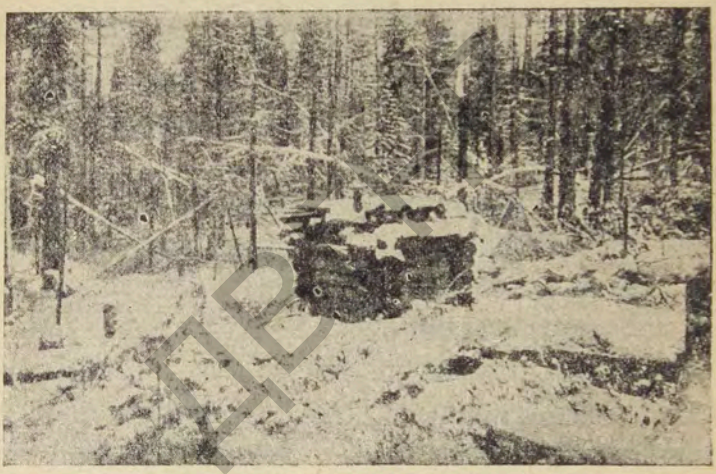
---

[1] Амба — так китайцы и корейцы называют тигра.

[2] Усы, кости и сердце тигра, как и панты, считаются в Китае чудодейственными.

ЭР03530

Это была изюбряная тропа к водопою. Метров около сорока было огорожено жердями, искусно скрытыми в зелени. Только узкий проход к воде оставлен для изюбрей. За загородкой — глубокая яма, прикрытая валежником и ягелем (оленьим мхом). Это ловушка для изюбрей. Напившись, изюбрь идет на ягель и проваливается в яму. Нередко он ломает себе ноги и шею, но охотнику нужны только его весенние панты. Китайский «купеза» (купец) платит за них от 300 до 500 рублей.

Охотничья заимка в тайге.

Это запрещенный способ охоты, но Пак мало считается в тайге с законом.

— Как можно изюбря взять пулей? — рассуждает он. — Его беги далеко — моя не могу догнать.

Даже смертельно раненый изюбрь убегает от места ранения на несколько десятков километров и забирается умирать в глухую заросль.

ЭР03530

— Люди никогда не видеть, как умирай изюбря. Его умирай один, — рассказывает Пак.

★

Он встревожен чем-то и чуть ли не обнюхивает каждый след. В яму не попался ни один изюбрь. Озабоченно качая головой, Пак пошел за валежником для костра, но тотчас же вернулся в тревоге.

— Тут худой люди, — говорит он, озираясь. — Надо скорей уходить.

Он сворачивает с тропы прямо в воду.

— Ходи здесь, — велит он мне. — Здесь нога не видеть.

По грудь в воде мы идем вдоль речки. Собака Пака плывет позади, правя хвостом как рулем. Пройдя бродом около двухсот метров, мы выходим на другой берег, мокрые и продрогшие.

— Почему ваша ничего не понимай? — бранит меня Пак. — Водой ходи, следа нет, землей ходи — след видно. Э, глазами смотри там, — вдруг вскрикивает он, показывая наверх ружьем.

На ветвях пихт устроена из жердей висячая «сайба» — помост для хранения охотничьих припасов, шкур и провизии. Сайба устраивается для того, чтобы звери не могли достать провизии. Сайбу Пака ограбил кто-то.

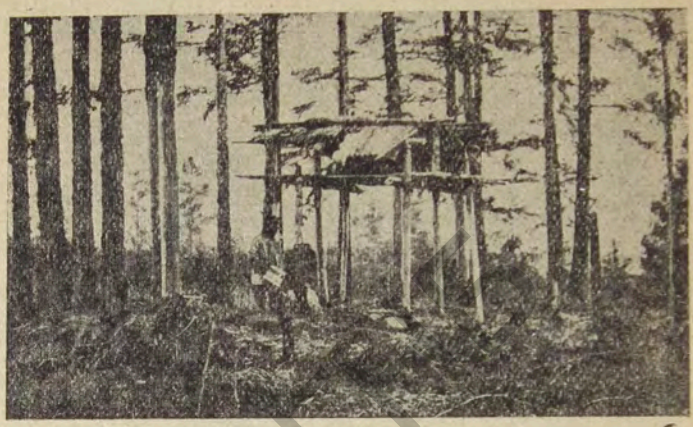
— Моя совсем пропади, — причитывает он. — Худой люди воровал панты, крал мои шкуры.

На коре пихты едва заметная царапина. Пак внимательно осматривает ее.

— Три люди ходила, — говорит он. — Одна босой лазал. Надо скорее уходи.

ЭР03530

Мы снова входим в воду и опять идем вброд. Уже совсем спустилась ночь, когда мы выходим на берег. Пак не разрешает развести костер. Мы ложимся мокрые и озябшие. Сон не берет меня. В тайге что-то трещит, ухает, слышен страшный

Висячая сайба.

хохот таежного филина, перекликаются звериные голоса. Наконец я забываюсь тревожным чутким сном.

★

Посреди ночи меня разбудил толчок в бок. Собака Пака, тихо повизгивая, старается зарыться под меня. Слышится какое-то фыркание и громкое мурлыкание, точно гигантские коты справляют в тайге кошачий концерт. Пака поблизости нет.

Он стоит в нескольких шагах от меня на коленях и кладет земные поклоны. Он молится «господину Амбе». Я хватаюсь за ружье, но Пак оборачивается и шепчет:

— Нельзя стреляй.

ЭР03530

И опять кладет земной поклон и молится:

— Амба, твоя добрый люди и наша добрый люди. Наша ходи туда, а ваша ходи другая сторона.

Мурлыкание мало-по-малу глохнет. Пак возвращается.

— Тигра женится, — говорит он. — Ему нельзя мешай. Его принимай мое слово и уходи. Теперь можно спи.

Но я не верю, конечно, что тигры вняли просьбе Пака. Всю эту пакостную ночь я не смыкаю уже глаз. Тигровая свадьба напугала меня. Мне чудятся мелькающие хищные огоньки в чаще, я слышу звериные голоса и шаги в тайге. Лишь на заре тайга притихла.

*

Утром Пак бил свою собаку, скосившись лукавыми глазами на меня и приговаривая:

— Твоя имей душа зайца. Не надо бойся, не надо бойся.

Он намекал на меня, но делал вид, будто обращается к собаке. А собака, распластавшись на земле и прижав свои обрубленные уши, покорно, без визга, сносила его побои.

— В тайге надо бойся люди. Зверя не бойся, — обратился он ко мне.

В это утро Пак забыл свои вчерашние огорчения. Он был весел: невдалеке были расставлены его капканы. В один из них попался великолепный соболь. Зверек был защемлен за шею и убит железной скобой капкана. Пак ловко ободрал его кри-

ЭР03530

вым ножиком и радовался, раздувая его коричневый шелковый мех.

— Ух! Ух! — приплясывал он. — Пак опять богатый. Пак поедет Владивосток. Там моя гуляй. Ух! Ух!

Солнце обсушило на нас одежды. Около полудня мы подходили к прогалине, где было скучено с десяток юрт. Это был поселок лесного племени Удэ.

Десятка полтора летних юрт, крытых берестой, были разбросаны на берегу речки. Пака встретили радостно — очевидно, он был здесь свой человек.

— Удэ — добрый люди, — сказал он своей собаке, которая зарычала при виде чужих людей в тайге. — Твоя кусай не надо.

Он обратился к собаке по-русски для того, чтобы и я понял, что мы имеем дело с «добрый люди».

Все население этого лесного поселка было занято летней заготовкой. Женщины развешивали на жердях юколу (сушеную рыбу). Это пища людей, собак, скота. Мальчики в берестяных душегубках ловко вертелись в водоворотах бурной речки, работая двухлопастными длинными веслами. Они отправлялись на рыбную ловлю. Мужчины, не выпуская изо рта длинных трубок, чинили рыбачью снасть и капканы.

Удэхейцы — коренастые крепкие люди — доверчивы и просты. Они бросили работу и окружили нас тесным кольцом. Человек в городском платье — почти невиданное существо в тайге. Их удивляло все — моя одежда, сумка, ружье, фотогра-

ЭР03530

фический аппарат. Они ощупывали меня руками, удивленно щелкали, смеялись, переговаривались на мой счет, но когда я открыл аппарат и попросил Пака об'яснить им, что я их хочу снимать, они брызнули во все стороны и попрятались.

А между тем они вовсе не были дикарями. Некоторые из них бывали в городе, где обменивали шкуры. В юртах были некоторые предметы городского обихода — лампы, посуда, ножницы, даже кой у кого дешевые зеркальца.

В этот день у удэхейцев было большое торжество. Им удалось убить огромного медведя, и поселок готовился справлять медвежий праздник.

— Люди Удэ медведя родился, — об'яснил мне Пак.

Племя Удэ считает медведя своим прародителем и называет себя медвежьим народом. Убитого медведя они чествуют религиозными плясками и заклинаниями.

Перед вечером медведя освежевали и изжарили на большом огне. Мужчины и мальчики-подростки сели в кружок; женщины и дети уселись в сторонке. В середину круга вышел шаман, сухой старик в разноцветных лоскутьях. На нем был широкий пояс с прикрепленными к нему железными пластинками, которые брякали при каждом его движении. Он поднял высоко над головой бубен и, ударив рукою по его натянутой звонкой коже, начал пляску.

Сначала его движения были медленны, угловаты. Он изображал походку, неуклюжие ухватки

ЭР03530
Хабаровская краевая библиотека
12980 75
ДВГНБ

медведя. С заунывным мотивом он бормотал заклинания, временами взревывая, как медведь. Потом он закружился все быстрее и быстрее, звеня побрякушками и грохая бубном. Его цветные лохмотья слились в пестрый круг.

Удэхейцы молча курили свои трубки и безучастно смотрели, как бесновался шаман. Пак покачал головой.

— Его смеется, не верит, — сказал он про удэхейцев. — Старый люди умер — молодой не хочу верить.

Действительно, у молодых удэхейцев дрожала на губах трудно скрываемая улыбка. Старики строго поглядывали на них, но и они, по словам Пака, уж потеряли былую веру в шамана и его обряды.

Шаман закружился и упал. Его лоб был покрыт крупными каплями пота, на шее вздулись синие жилы, изо рта била желтая пена.

Тогда наступила самая торжественная минута. Самый старый удэхеец, глава клана (общины), поднялся и принялся делить медведя. В последнюю очередь он роздал по куску медвежатины женщинам и детям. Священную голову медведя отдали шаману.

Торжество окончилось поздно ночью. Глава клана собирался утром везти в факторию меха, и далеко за полночь в юрте шло совещание с его сыновьями и зятьями, на какие товары обменять меха. Для памяти старик делал понятные ему одному отметины на бирке. Одна из дочерей повздорила со стариком и заплакала.

ЭР03530

— Ах, дурная бабушка! — неодобрительно ахал Пак. — Ее город ездила, город голова спортил. Ее нравится город гулять.

Удэхейка просилась в город. Старик не соглашался взять ее с собой: зачем женщине ездить в город? В городе каменная земля и каменные юрты. Но женщина настаивала и приводила свои доводы.

— Уй, дурной голова! — смеялся Пак. — Ее совсем жить город хочет, книга учи, бумага пиши. Уй - уй!

★

Через несколько дней я прощался с Паком у фактории. В последнюю минуту Пак ухватил меня за рукав:

— Слушай ухом, — сказал он со страстью. — Давай ходи опять в тайгу. Книги читать — голова тяжелый, тайга ходить — мысли легкий. Э? — спросил он, жадно всматриваясь в меня.

Должно быть он увидал в моих глазах ответ и махнул рукой:

— Твоя ничего не понимай, где счастье, где худо.

И, не попрощавшись, быстро ушел, не оглядываясь.

II. ПОКОРИТЕЛИ ТАЙГИ.

Китаец Ли-Тин. Кто украл дорогу у тигра? Делягаяпонец. Завод в тайге. Директор-воитель. Мы сами — с усами. Таежные лесорубы. Тоска Ли-Тина.

Китаец Ли-Тин, тонкий, поджарый человек, сжимает свои сухие губы и мотает головой:

ДВГНБ

— Пу-хо (худо).

Мы стоим подле кедрового бревна, еще не очищенного от коры, жесткой и сморщенной, как кожа крокодила. Великан-бревно лежит на боку. Из свежего среза еще сочится янтарная кровь кедра. Высокий Ли-Тин едва достает рукой до верхнего края поперечника бревна.

Ли-Тин не одобряет. Кедр — великое дерево. Оно живет так много лет, что Ли-Тин даже не может назвать их числа. В его дупле зимует сам «господин хозяин», черный манчжурский медведь, который, если встанет на дыбы, будет вдвое выше самого высокого человека.

Зачем рубят кедры? Зачем в здешней Уссурийской тайге зажгли электрические огни?

У Ли-Тина на боку холщевая сумка, а в руках палка с желтым наконечником. Он бродит по тайге и ищет таинственный корень жень-шень [1]. Когда он находит три тонких листика жень-шеня, он становится на колени и упрашивает жень-шень даться ему в руки. Потом осторожно окапывает растение и благоговейно вынимает из земли его корень.

Те, которые поставили в тайге круглые электрические пилы, «худой люди», — они прогнали жень-шень. Он убежал в глубь тайги от стальной ленты узкоколейки, от свистков лесовоза, плюющего дымом и искрами в вершины кедров.

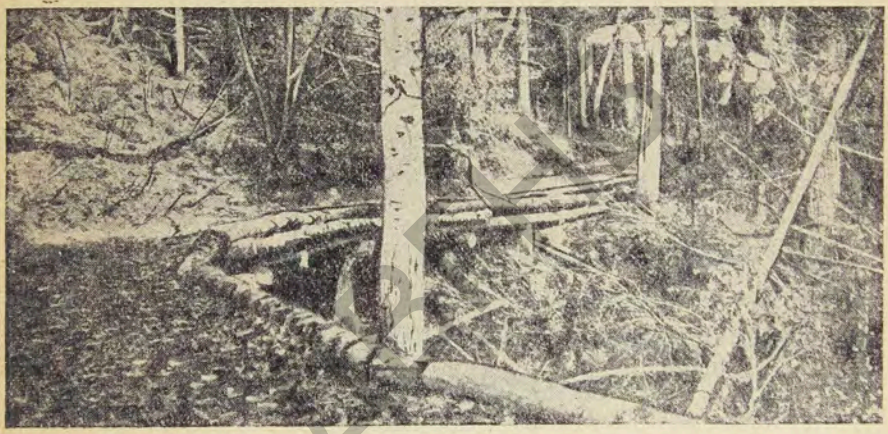
---

[1] Жень-шень, или жинь-зенг,— однолетнее растение, его корень считается в Китае чудодейственным лекарственным средством и ценится на вес золота.

ЭР03530

Два года назад на этом самом месте, где лежит спиленный кедр, Ли-Тин встретился с тигром. В пятидесяти шагах шумит Уссури, и тигр протоптал тропку к реке, куда каждый день ходил пить воду. Ли-Тин не знал, что эта тропа принадлежит тигру. Ли-Тин упал ниц и припал лицом к земле.

Должно быть тигр был в хорошем настроении. По мнению Ли-Тина, тигра умилостивила его по-

Дорога к лесоразработкам в тайге

корная просьба. Полосатый зверь ударил себя хвостом по бедрам, мурлыкнул и ушел в чащу, не тронув Ли-Тина.

Итак, недавно в нескольких километрах от станции Уссури водились тигры.

— Большевик кради дорога тигра, — порицает новые порядки искатель жень-шеня Ли-Тин.

По тигровой тропе проложена узкоколейка, а там, где тигр пил воду, ходит на стальном канате

ЭР03530

паром. Свирепый манчжурский медведь поднялся из берлоги и, предпочитая не связываться с «большевиком», ушел в глубь тайги.

Ли-Тин очень недоволен: жень-шень убежал от большевиков за сто километров, тайга отступает перед электрической пилой, в глухих дебрях горят огни лесозавода, и днем и ночью звенят станки лесопилок, вгрызаясь зубами в тело кедров.

На станции Уссури вместе со мной сошел с поезда японец. Он вдвое ниже ростом, чем Ли-Тин. У него такие же косо прорезанные глаза и бронзово-желтое лицо. Но на нем прекрасно сшитое пальто, серебристая шляпа, желтые ботинки, на азиатском приплюснутом носу огромные роговые очки.

Вероятно он иного мнения о правах тигра, чем Ли-Тин. С записной книжкой в руке он деловито обходит огромные штабеля бревен, сложенные вдоль насыпи, и записывает что-то в книжку карандашиком с золотым наконечником. Он приближается ко мне, вскидывает из-под очков живые черные глаза и, притронувшись к полям своей фетровой шляпы рукой в полуспущенной коричневой перчатке, говорит по-русски чисто:

— Здравствуйте!

Мы познакомились еще в вагоне. Он дал мне маленький кусочек картона с золотым обрезом — визитную карточку. На ней по-английски было напечатано название крупной японской лесопромышленной фирмы в Нагасаки и название ее отделений в разных концах мира, и только внизу мелким

ЭР03530

шрифтом имя владельца карточки, уполномоченного фирмы Удзу.

Его интересовала Уссурийская тайга, но нисколько не интересовали ни тигры, ни жень-шень, ни жалобы Ли-Тина.

— Наша фирма имеет дела с Дальлесом [1], — об'яснил он, бросив в сторону Ли-Тина презрительно-вежливую улыбку. — Мы имеем также концессию [2] в Манчжурии и ведем дела с Канадой, но нигде нет такого прекрасного кедра, — ткнул он пальцем в перчатке в ствол срубленного гиганта, подле которого мы стояли.

Все эти штабеля леса — заказ его фирмы. Он тоже жалуется, но жалобы его иные, чем у Ли-Тина. Основной капитал его фирмы — столько-то миллионов иен [3]. Она делает дела в банках Лондона и Нью-Йорка. Она любит широкий размах. До войны уже был готов проект договора с царским правительством на концессию вот этой лесоразработки. Война сорвала дело.

Японец льстиво вежлив. На лице его разливается сладость, когда он говорит о большевиках. Он даже притрагивается к шляпе, точно раскланивается с большевиками.

— Большевики — тоже люди размаха. О, они деловые люди! Мистер Рыков...

---

[1] Дальлес — трест, организующий на Дальнем Востоке лесоразработки и лесопильные заводы.

[2] Концессия — аренда.

[3] Иена — японская монета около 1 рубля.

ЭР03530

Его лицо вдруг увядает. Большевики не согласились на концессию. Они пересмотрели старый проект концессии и взялись сами за дело.

★

Ли-Тин был не совсем прав, когда жаловался, что «господин тигр» ушел от большевиков в глубь тайги. Вокруг молодого лесозавода и теперь еще бродят тигры. В темные весенние ночи из заводского поселка иногда слышно громовое мурлыкание.

Огни завода горят на просеке. В просеках стоят новенькие домики и бараки поселка. Под ногами зыбится, точно пружинная подушка, болото. Но нога ступает по мягкому ковру из опилок, опилочной мукой напудрены кедры и пихты, воздух дрожит и звенит звоном отголосков от пения стали на станах лесозавода, воздух пахнет смолистыми досками.

Бревно, у которого мы давеча стояли с Ли-Тином, подкатили на вагонетках, толкаемых паровичком-лесовозом, к стану. Десять пил в стане прыгали вверх и вниз сначала впустую, потом впились в бревно и завыли густым звоном. Десять толстых досок выползали из стана по другую сторону на приготовленную вагонетку. У станов хлопотали рабочие, белые, точно мельники.

Деловой японец запылился деревянной мукой. Он старательно стряхивает со шляпы опилки и вытирает чистым носовым платком свои желтые ботинки. У его фирмы есть ценное предложение, и он идет в контору к управляющему заводом.

ЭР03530

Если в кабинет управляющего войдут два человека, то одному из них придется либо стоять в дверях, либо сесть на колени управляющему. Когда на завод приезжает гость, администрация предлагает:

— Мы устроим вас у казначея. У него большая квартира.

Большая квартира казначея — две комнатки. Прежде это была одна комната, но ее разделили перегородкой на две клетки.

— И тебе удобство, и гостей будет где помещать.

Леса—горы, а на заводе—жилищный кризис.

— Лес нужен для дела, а сами мы как-нибудь потеснимся.

...Итак, японец вошел в кабинет и сел на стул. Так как на колени директору не принято садиться, я сел у дверей.

Японец не любил многословия. В две минуты он изложил дело и предложил условия своей фирмы. Дело было в опилках. Опилки — сор, их топчут ногами, ими засыпают болото. Фирма желает платить за этот сор деньги. Если угодно долларами, а угодно — английскими фунтами. Пусть только Дальлес разрешит маленькую постройечку у завода. Так, заводик при заводе.

У управляющего горели на щеках алые чахоточные пятна. Он глухо кашлял в носовой платок и плевал в баночку с металлической пробкой, которую держал в кармане. Он строил этот завод и этот поселок в тайге — от первой доски до послед-

ЭР03530

ней, он организовал работу — от ручной тяги бревен до лесовозов. Он ездил за опытными лесопильщиками, которых знал по ссылке, в Архангельск. И он нажил чахотку.

Управляющий внимательно слушал японца. Не теряя времени, он подписал две бумаги, которые ему протянули из конторы через мое плечо. Японец окончил.

— Вы хотите делать брикеты?[1] — коротко спросил японца управляющий.

— Возможно, — осторожно ответил японец.

— Скипидар?

— Ясно.

— Ничего не выйдет.

— О? — вскинул японец свои роговые очки.— Мы используем сор и платим вам деньги.

Тогда управляющий вынул из ящика письменного стола кальку. На кальке был начерчен план брикетного и скипидарного завода. А в углу был выделен планик — химическая лаборатория для выработки летучих масел из опилок.

— О, — второй раз воскликнул японец, поднялся и протянул управляющему свою маленькую руку. — Дальлес?

— Дальлес, — подтвердил управляющий.

Японец ушел, а управляющий рассмеялся до кашля.

— Мы сами — с усами,— проговорил он сквозь кашель.

[1] Брикеты — плитки из прессованных опилок.

ЭР03530

★

Узкоколейка вбуравилась в сердце тайги. Ее провели от завода в глубь на пятьдесят километров в тайгу, где лесоразработки. Утрамбовывали болотные подушки и ставили столбы для электрического провода. Ток бежит по гудящим проволокам у стен кедров и дает движение круглым пилам.

Лесорубы и пильщики — мрачный таежный народ. Они ночуют в бараке, выстроенном на живую нитку, спят вповалку, на нового человека смотрят сбычившись.

— Угу! — ответили они на мое приветствие.

Пилы и топоры врубаются в глушь, узкоколейку «шьют» дальше по мере разработки участка, бараки переносятся.

В тот день, когда я приехал, на лесоразработках было происшествие. Двух лесопильщиков, которых управляющий переманил сюда из Архангельска, нашли недалеко от барака избитыми до потери сознания. Одному переломили челюсть и сломали ребра, другому пробили голову. Избивавшие предварительно накинули им мешки на голову.

В бараке стояла мрачная тишина. Архангельские сбились в кучку. Всей кучкой, как тесное стадо перепуганных овец, они двинулись навстречу управляющему.

— Михаил Андреич, расчет давай. Не можем. Немыслимо работать.

— Знаю. Не торопись.

«Здешние», таежные лесорубы, держались отдельно. Молчали и смотрели исподлобья.

ЭР03530

— Пущай уходят. Добра не будет, — сказал кто-то из-за их спин.

«Здешние» ненавидят чужих. Они возненавидели архангельских за то, что те вырабатывают втрое против них.

— Черти. Деньгу зашибают — в кулаки вылезают.

И глухо ударив себя в грудь:

— Мы — пролетарьят. А это... Тьфу!

— Ладно, — коротко буркнул управляющий. И, выходя, бросил: — Архангельские, собирайся!

— Куда?

— На завод. В распиловочной будете работать.

— Вот это дело.

★

Ночью что-то затрещало в тайге.

— Михайло ходит, — поднял голову лесоруб.

— Какой Михайло?

— Хозяин, медведь.

— Михайло до людей добер, пока ты его не тронешь.

— А может тигр?—усомнился другой лесоруб.

— Не. Ему тут делать нечего. Он в корейскую деревню перекочевал. Скот там дерет.

Он начал рассказывать про тигров. Но его сурово оборвали:

— Заткнись! Не гоже про него ночью язык чесать.

— А архангельский, говорят, один кончился.

— Да, браточки, было дело...

— Помалкивай, трепло!

ДВГНБ

ЭР03530

Черный лесной человек бросил на меня косой взгляд.

Страшный, темный народ — таежные лесорубы. Страшна тайга и ее хозяева. Но со всех сторон в тайгу прорубают пути. Дальлес «шьет» узкоколейки, ставит лесопильные станы, расступается стена тысячелетней чащобы, красные вагоны и платформы бегут из уссурийских дебрей к гаваням Владивостока с досками, бревнами, брикетами из опилок. А искатель жень-шеня, жалкий Ли-Тин тоскует:

— Пу-хо! Жень-шень убежал. Тигр убежал. Зачем люди кради его дорога?

III. ЗОЛОТО ЗЕИ.

Дорога к зейским промыслам. Власть тайги. Тунгус о Москве. Золото под ногами. Легенды о счастьи. Погоня за «фартом». Как моют золото. Гульба старателя. Строители новой жизни в тайге.

Трудно пробраться к золоту Зеи и Алдана. Оно схоронилось, запряталось в таежной чаще за болотами, за топями, которых не одолеть летом. Тайга ревниво охраняет свои богатства и закрывает пути путаным лабиринтом гор Якутии, стремительными и опасными порогами рек. На целые полгода тайга отрезана от остального мира.

Но как только стукнут первые крепкие морозы, как только реки успокоятся под толстой броней льда, — оживут еле приметные таежные тропки, по реке дерзко заскрипят полозья саней, а по тракту потянутся нескончаемые обозы с кладью,

ЭР03530

медлительные и важные, обгоняемые быстрыми нарядными автобусами.

Дальзолото [1] приступает к заготовкам. К сердцу алдано-зейских приисков, городу Незаметному, к богатейшей по количеству рудного золота Золотой горе и к мелким приискам Дальзолото отправляет ящики с инструментами, частями драг [2], кирками, лопатами, а для обмена на дорогую добычу — мешки с продовольствием, кадки с маслом, бочки с керосином.

Летом на Зее коробка спичек или иголка бывает дороже золота. Приходится запасаться всем, предусмотреть всякую потребность старателя. Алдан — точно заброшенный в нелюдимых просторах океана остров, но океан этот — тайга, сопки, болота на тысячи километров. Через эти пространства и птице нет пролета.

А когда ослабнут трескучие шестидесятиградусные морозы, снег станет спадать со столетних елей, легко и бесшумно вверху по макушкам деревьев зашумит невидимкой ветер, когда «медведь на другой бок перевернется», по сказу лесных жителей, — по тропинкам, по звериным тропочкам в одиночку, а то и цепочкой потянутся старатели. Тут и русские «варнаки» [3] с Забай-

[1] Дальзолото — Дальневосточный золотопромышленный трест.

[2] Драга — землечерпалка, приспособление для промывания золотоносного песка.

[3] Варнаками в царское время называли отбывших срок каторжан. Это название осталось в просторечии за ними теперь.

ЭР03530

калья и Дальнего Востока, и в белом с ног до головы корейцы, и китайцыиз пограничного Сахаляна [1], и гольды из Приморья.

Некоторые идут на «фарт». Фарт — слепая удача, риск. В тайге нет закона. «Фартовый» старатель — вне закона. Он идет в тайгу с киркой, корытцем для промывки золота, с мешком, с дробовиком и горстью пороха и дроби. Он ищет свой фарт в песке таежных речушек, в выбоинах, в скалах.

Фарт — напасть на золотое «гнездо», или россыпь. По тысячам признаков старатель-одиночка делает разведку. Зарубками на деревьях, воткнутыми ветками он отмечает дорогу, иначе беда — из тайги не выбраться.

Не редкость в тайге наткнуться на жуткие следы: головешки давным-давно угасшего костра, подле него кости, оскаленный череп, истлевшие лохмотья, заржавевшая кирка. Заплутался ли старатель в тайге и умер голодной смертью? Задрал ли его «хозяин», темнобурый угрюмый дальневосточный медведь? Напал ли он на фарт и убит и ограблен своим товарищем? Тайга молчит.

Тайгу чувствуешь сразу. Она властно овладевает тобою, давит. Это — не просто непроходимый дикий лес, в котором среди столетних пихт и неохватных кедров звериная тропа — путь. Это на

---

[1] Сахалян — китайский город на берегу Амура, против Благовещенска. Зимою китайцы пробираются из Сахаляна в Благовещенск по льду Амура.

ЭР03530

тысячи километров — молчание. В этой глухой, дремучей тишине ты один, а кругом вплотную охватила тебя враждебная настороженность тайги.

Олени, закинув рога на спину, несутся в глубь этой глуши. Все дальше от железной дороги, от жилья. Все переплелось впереди. Рога оленей — как ветви деревьев, и ветви — как рога.

Тунгус, щелкающий длинным бичом, зашит в шкуры. Он моется раз в жизни — младенцем в ледяной воде, ест сырую скобленую рыбу, но он бегло читает по насечкам на деревьях, по путаной мережке звериных следов, по обломанным веткам. Он поднимает с земли окурок и говорит, что здесь вчера проехал «большой товарищ», и исковерканно произносит фамилию управляющего приисковым районом.

До жилья, до прииска, надо ехать дни и дни. Позади смыкается тайга, и впереди, за приском, до самых полярных тундр Якутии, замкнулась тайга. Давит чувство заброшенности.

Тунгус задержал лет оленей и сунул руку за пазуху. Он вытащил из-под шкуры что-то в цветной коробочке. Папиросы «Совет». Тунгус, уважающий господина медведя и кушающий рыбу и мясо сырьем, зажег спичку и закурил папиросу «Совет».

Закурив, он сделался разговорчивее. Оказалось, что он знает, что такое кооператив, что он слышал еще об одном «большом» товарище — Калинине — и о Москве. Он деловито спросил меня: много ли оленей и собачьих упряжек в Москве, и

ЭР03530

когда я сказал, что в Москве совсем не ездят на оленях и собаках, тунгус, видевший даже автомобиль, решил, что я — себе на уме.

— Хе! — усмехнулся он. — Почему так говоришь? Много-много оленя в Москве. Москва тайге закон давал.

Весь мир для тунгуса — тайга, а Москва — самое большое стойбище в этой тайге. Как же может быть, чтобы в Москве не было «много-много оленя», если она так сильна, что накинула на тайгу узду закона.

★

На Дальнем Востоке нередко говорят:

— Золото ногами топчем.

Кто знает, быть может прославленный обилием золота американский Клондайк [1] во много раз беднее, чем бескрайние просторы Алдана и Зеи?

Но край этот неведом и дик, как ледяные просторы полярных пустынь. Все население Дальнего Востока жмется к узкой полоске Уссурийской и Забайкальской железных дорог. На этой тоненькой каемке на краю тайги, где дымится жилье, поселки с населением в полторы тысячи жителей называются городами, а от краевого центра, Хабаровска, до первого «настоящего» города, Читы, курьерский поезд мчится трое суток.

А отойдешь в сторону от железнодорожной насыпи, попадешь в такие дебри, где не ступала

---

[1] Клондайк — местность на далеком севере Америки, известная богатейшими золотыми недрами.

ЭР03530

нога человека. В каких-нибудь 300 километрах в сторону живет «добрый» зверь, который не боится человека. На географической карте эти места нередко обозначены белой плешью — они совершенно не обследованы.

Здесь, действительно, топчут ногами богатства и не знают им цены. Без всякого смысла, не задумываясь, таежные жители поджигают ценный лес. Поезд бежит через тучи дыма, местами железнодорожную насыпь лижут языки пламени.

В одном железнодорожном поселке, у станции Бурея, на моих глазах подожгли тайгу.

— Зачем вы это делаете? — спросил я. — Богатство жжете.

— А ну его к лешему. От тайги житья нет. Прет и прет на земли, прямо на жилье наступает. Жить от нее тесно, будь она неладна!

— Не долго уже тайге вольной быть, — говорит не то с сожалением о старых временах, не то со страхом перед новыми временами здешний «кондовый», крепкий хозяин-кулачок.

— Почему?

— Да разве «они» дадут этому так стоять? — подчеркивает он с ехидством слово «они».—«Они» не то что через тайгу, — скрозь землю пройдут, кажный кедр, кажного изюбря в тайге возьмут на учет. Хозяйская власть, что и говорить.

И правда. Уже во многих местах в тайге стучат топоры, звенят электрические пилы, курятся трубы лесопильных заводов. Уже прорублены просеки в тайгу, и бежит в ее сердце стальная лен-

ЭР03530

точка узкоколейки. Уже телеграфные провода тянутся через чащобу столетних пихт и кедров и связывают заброшенную «у чорта на рогах» Золотую Гору с конторой Дальзолота в Рухлове. Уже разработан проект железнодорожной ветки к спрятанному в тайге центру Алдана, городку Незаметному, который шесть месяцев в году отрезан от всего мира.

Каждый день длинные составы красных вагонов-теплушек возят тысячи переселенцев из «России».

— Куда прут?—недоволен таежный житель.— Разве они, рассейские, тайгу понимают? Кроты... Роют, роют, тайгу на пашню сведут. Тьфу!

Он отплевывается и молчит, таежный бродяга, он чувствует, что пришел конец дикой, «вольной» тайге.

★

Новые слова, новые понятия и интересы вторглись уже в приисковый быт. Но старое цепко. Оно упорно старается жить. Таежный волк — старатель — теряет в этой ломке дикую цельность. Старые привычки и новые требования жизни переплелись в нем. Он стоит на перепутьи, в недоумении. Он не может еще отстать от одиноких поисков «судьбы» в тайге, но все теснее замыкается круг, старателю все труднее поймать в одиночестве «судьбу», потому что всюду, где только есть золотые места в тайге, проникает советский инженер-разведчик. Сила жизни гонит старателя к товарищескому коллективу, к живым, боевым интересам сегодняшнего дня.

РВГНБ

ЭР03530

— Нет ли у тебя газетины? — спросил старатель на другой день после моего приезда на прииск.

Это было ново. Старатель презирает печатное слово. Напечатанное — побасенки, чтение — пустое занятие. Больше того — он боится всякой писаной бумаги. От бумаги — вред. В его зверином уме живет старое представление о начальстве, о становых, об урядниках, которые отравляли ему жизнь бумагой. Прошлое старателя большею частью черным-черно: в прошлом он бывал или беглым, либо непомнящим родства и имени бродягой. Его вылавливали из тайги бумагой, по бумаге его морили в каталажках, в пересылках. И этот страх, внушенный казенной бумагой, он перенес на газету, на книгу, на писак.

И вдруг:

— Нет ли газеты?

Я дал ему старую «Правду». Он напустил на себя презрительный вид и, сунув газету в карман, небрежно проронил:

— Сгодится на курево.

Но я знал, что он «напускает» на себя, не желая открыто признать себя побежденным жизнью. Назавтра я увидал эту газету в руках другого старателя. Газета прошла через много рук, прежде чем пошла на курево.

*

Тайга кажется глухой только тем, кто в ней не жил. Она имеет чуткие уши. В крошечном приисковом клубике с гордым названием «Клуб имени

ЭР03530

Профинтерна» была назначена антирелигиозная лекция.

Таежный телеграф—«слушок»—далеко разнес весть о небывалом здесь событии — о лекции. Места в клубе едва хватило бы на приисковых. Но

Тип старателя «Ивана».

уже с утра в прииск потянулись верхом и пешком из тайги чужие. Между ними были матерые «Иваны» [1], пришедшие за 20 и более километров. Они

[1] «Иван» — старинное название каторжника, прославившегося своими преступлениями. На приисках это прозвище сохранилось за старыми опытными старателями.

ЭР03530

бросили поиски «судьбы» в тайге, чтобы послушать живое слово. Они терпеливо ожидали весь день перед запертыми дверьми клуба, а как только начали впускать в «зал», они принялись устанавливать строгий порядок:

— В черед становись! Которые сколько ждали, а ты вперед прешь, шпана.

И слушали, задерживая дыхание. На заросших лицах, обожженных морозом и ветром, исчерченных глубокими морщинами, сдвинулись суровые брови. Окончилась лекция — разошлись молча и тихо, точно на цыпочках. И шли притихшие, призадумавшиеся по приисковой уличке.

А на другое утро:

— В клубе был?

— Угу.

— Ну?

— Э-эх! — вздохнул и призадумался старатель. — Молодым — жить, а мы... Прожито.

И неожиданно выругался.

★

Легенды идут по Зее. Легенды о счастьи, о сумасшедшей удаче.

Старатель, разбойного вида дядя, — только одни глаза медвежьи, дремучие, горят из сивой щетины бровей, низко наросших волос, бороды — рассказывал глухим голосом в бараке на прииске:

— Ищо в мирное время дело было. Кореишка один незавидный, прямо сказать, тьфу, а не человек, — сплюнул он на пол, — пошел о весну в тайгу и пропал. Пропал и нету. Сколько время

ЭР03530
ДВГНБ

прошло — однажды об'явился кореишка этот. И никому — молчок. Однако был у нас там один мозговитый парень. — Старатель сощурил свои медвежьи глаза, и они сделались еще дремучее. — Проследил парень, что у корейца в торбе песочек, кило пятнадцать.

— Пятнадцать кило! — воскликнул кто-то захлебнувшись.

— Може и более, — продолжал старатель. — Парень тот, не будь дурак, не позарился на песочек этот, а закинул шире. Проследил он кореишку, когда тот опять в тайгу ушел. Километров на сто от дыма ушел кореец и к ночи пришел, притомился, запалил костер. Отдохнул, отошел шагов на пять в сторону, а там промоина в песке в ней кореец выбил шурф [1]. Принялся мыть...

— Ночью? — перебил его тот же голос.

— Заткнись! — оборвали его.

— Ночью мыл, собака, — как-то в себя затаенно произнес старатель.

— Промыл раза два — золото.

— Ах чорт, вот это да!

Старатель замолчал и принялся сворачивать заскорузлыми пальцами махорочную самокрутку.

— А дальше что? — спросили его.

— Чего «что»? — переспросил он, пряча глаза под кустами бровей.

— Который парень проследил — что он?

---

[1] Шурф — выемка в земле для добывания золотого песка.

ЭР03530

— Да что! Корейцу — судьба и парню — судьба, — загадочно сказал старатель, выпустив густой клуб дыма, которым заволоклось его лицо.

— Стало быть разбогател парень?

— Дурак! Разве старатели богатеют? Погулял. Эх!

И старатель так крякнул, что стало понятно, кто был этот мозговитый парень.

★

Но в наше время умирают легенды. Тайга хранит тайны, но нет для старателя иного пути из тайги, как в контору Союззолота. Золото некуда сбыть на-сторону. Хищник-старатель схвачен за горло железной рукой закона — правом пролетарского государства на богатства его недр.

Но тайга чарует, пленит на всю жизнь. Как только настанет весна, — старого, «настоящего» старателя начинает сосать тоска по фарту, которого нет и быть не может. Он бросает все: семью, хозяйство; он отказывается от прочного верного заработка на приисках и, захватив свой незатейливый «струмент» и ружье, идет ловить «судьбу» в таежных дебрях. На приисках таких старателей называют старым прозвищем героев и аристократов каторги — «Иваны».

Коренной старатель, азартный искатель золота, гонится в тайге за «судьбой» больше ради самообмана удачей.

— И знаешь, что ничего для себя не найдешь, а что найдешь, то не для тебя зарылось в земле, а вот бродишь, ищешь, и трясет тебя, ровно не-

ЭР03530

обыкновенно какой выигрыш ждет тебя. Фу, ты, навождение! — рассказывал старатель Семен Михайлович, заглатывая пересохшим от волнения горлом комок слюны. — Нападешь на жилу — ах ты, боже мой! Промываешь — руки дрожат. Вот оно, богатство, вот оно, в твоих руках! Ровно живое оно, золото, будь оно проклято, ровно в издевку далось оно тебе в руки. Твое — и не твое.

В погоне за обманным обладанием «счастьем» старатель забирается в такие дебри, которые никогда не слыхали человеческого голоса. Много таких неисследованных мест в Алдано-зейской тайге и в глубине Забайкалья. Даже китайцы, искатели таинственного, чудодейственного корня женьшень, не забредали туда.

— Птицы там и зверья всякого столь много, что хоть руками бери. И зверь тот добрый — человека не знает. Соболь, куница... А то изюбрь стадом идет к воде — рогами через тайгу ломит. Или мишка... Видал я однажды очень даже близко, как он белку грабил. Белка запасы свои зимние, орешки кедровые, на солнышке сушить сложила. А мишка лапой сгреб и попер с добычей, только валежник затрещал.

В последнее время стали открываться золотые недра тайги. То-и-дело нападают на новые золотоносные пески и жилы, в тайге стучит топор, прорубаются просеки, строятся на живую нитку приисковые поселки на новых местах. Совсем недавно, этой зимой, в тайге, у ст. Могоча, Забайкальской железной дороги, открыли богатейшие залежи зо-

ЭР03530

лота. В 60 километрах от раз'езда Дарасун, той же дороги, напали на рудное золото.

Чем об'яснить то, что тайга начала «раскрываться» в советские времена? Старый волк, старатель Семен Михайлович, хитро щурит глаз и молчит или отделывается об'яснением, в которое сам не верит.

Город Сретенск—центр Зейского золотопромышленного района.

— Слово такое знают коммунисты.

Но в сердитую минуту он проговорился.

— Фарт и тот национализировали, дери его колом!

Дело в том, что в прежние времена старатель, напав на фарт, хранил в тайне свою удачу. Он мыл втихомолку золото и хищнически разбазаривал народное богатство на «вольную сторону», в руки спекулянтов и рвачей, которыми тогда кишел Дальний Восток, или носил контрабандой золото через китайскую границу. Он приходил из

ЭР03530

тайги с мешочком «песочка», на него налетала свора рвачей, дело обделывалось шопотом, с оглядкой, а потом старатель в несколько дней просаживал свою «судьбу» в кабаках Читы или Рухлова.

Теперь не то. Старатель вынужден заявлять о своей находке. «Золотые места», которые прежде хищники хранили под семью печатями тайны, нет никакого смысла больше скрывать — выгоднее получить премию за заявку и долю с добычи [1].

В складку между двумя таежными сопками брошена горсть жалких халуп и землянок. Это — прииск. Некоторые халупы расцвечены красными флагами: контора, приисковый комитет, кооператив. Жилье без фундамента стоит прямо на земле или в самой земле. Кое-где сложены печурки. Вместо пола — доски брошены на землю, пляшут под ногами. Но большинство халуп с земляным полом.

В такой точно халупе приисковое начальство — горный инженер — оттаивал лед в чайнике.

— Садитесь, угощу чаем.

Две самодельные табуретки, доски для постели на козлах, другие доски повыше — так сказать, письменный стол, — вот и вся мебель.

Инженер бросил кусок плиточного чая в чайник.

— У нас питьевой воды нет. Зимою приходится оттаивать лед и снег, а летом пить дождь. Не брезгуете?

---

[1] За заявку месторождения золота выдается премия — 3000 рублей и в течение 3 лет некоторый процент с добычи.

ЭР03530

Я не побрезговал и выпил коричневую бурду с сахаром, отдающую ржавой жестью.

— Живем на живую нитку, — об'яснял инженер по дороге к шурфам, где моют золото. — Вся жизнь там, — указал он на холм разрытой земли и рвы вдали.

В этих рвах — самый прииск. Как-то обидно

Старатели за промывкой золотоносного песка.

глазу, что золото добывается так просто и так грязно.

Два корейца в широкополых войлочных шляпах взяли лопатами немного земли из ямы, наложили ее в плоскодонное корытце, налили грязной воды из лужи и, размяв комья лопаточкой, осторожно слили воду. Так проделали они несколько раз.

ЭР03530

В корытцах оставалось все меньше и меньше земляной жижи.

И вот проступили на дне корытца желтые искорки. Все ярче, чище. Золото.

Подошел десятник, через плечо — кружка вроде тех, в которые собирают пожертвования. Сверкающую горсточку бросили в кружку.

— И это все? — разочарованно спросил я.

— Попробуйте сами.

Я попробовал и был посрамлен. Я так же наложил в корытце золотоносного песку, так же промял его руками и мотыгой в ледяной воде, так же встряхивал корытце и сливал воду, чувствуя себя заправским старателем. Но в корытце не осталось ничего. Ни крупинки золота!

— Копеек на двадцать убытку прииску, — шутливо заметил по поводу моей неудачи инженер.

Он сам взялся за корытце и собственными инженерскими руками, потрескавшимися и загрубевшими, как у этих корейцев, промыл песок.

— Вот и самородочек! — сказал он, выбирая из щепотки золотого песка на мокрой ладони желтую крупинку с ржаное зерно.

— Ваша год работай — учись мало-мало, — ободрил меня кореец-старатель.

Так просто и так трудно добывают золото. В этом простом процессе промывания золотоносного песка опытный старатель не упустит ни одной золотой пылинки. Поэтому так ценят на приисках старых старателей.

ЭР03530

Несколько старателей выбили кайлами шурф — углубление в карьере[1]. В одном шурфе зажгли костер — оттаивали землю.

Здесь край вечной мерзлоты. Земля даже летом протаивает только на несколько сантиметров, а глубже — прокованная испокон века морозом почва.

Впереди поднималось деревянное сооружение — что-то вроде покатого помоста.

— Бутара, — назвал это сооружение инженер.

Бутара — это уже некоторым образом механизация промывки золота. По отлогому под'ему бутары подвозят наверх золотоносный песок. Локомобиль гонит струи воды на кучу песка. Песок размывается, земляная жижа сбегает по другому крутому спуску бутары, по желобам, оставляя в их выемках тяжелый золотой песок.

Но бутара стояла без работы. Мыли руками.

— Почему?

— На нашем прииске — золото мелкое, легкое. Тяжелое золото уже выработано. На бутаре легкое золото уносится струей.

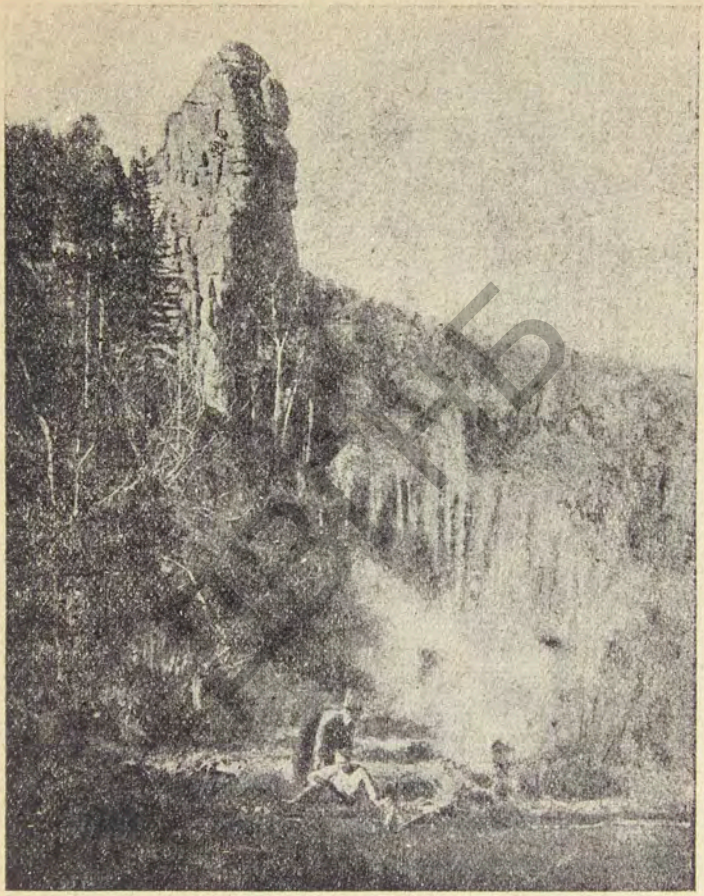
Дорогое золото было расхищено на этом прииске в прежние времена, когда действовал «фарт». Прииск теперь дорабатывали, выжимая из песка последние крупинки золота. Вот почему и жизнь на прииске — на живую нитку. Выработают до конца — и снимутся.

---

[1] Карьер — ров, место разработки.

ЭР03530

— Близко поезд свисти, золото его бойся, — говорили корейцы в фанзе на прииске. — Ваша далеко иди, там дорога нет, там тайга шуми, зверя ходи — золото туда убеги.

Закладка шурфа.

Настоящее полновесное золото там, где бродит «зверя», куда не проникали в свое время хищники.

— Там ходи — найдешь.

★

ЭР03530

В праздничный день на приисковой уличке сгрудилась толпа старателей. Кто-то в тесном кружке топал о прокованный ледяной наст сапогами, рявкала всеми голосами гармошка, всплескивались выкрики:

— И — эх, гуляй, душа!

Из толпы выскочил человек в растерзанном виде. Меховая куртка была раскрыта на груди. На всклокоченной потной голове едва держалась новенькая кепка. За ним по пятам шел гармонист.

— Сергей Маликов гуляет! — прокричал гуляка неистовым голосом. — Играй, гармонь! Подходи, кто желает! Все отдам — не жалко!

Сергей Маликов поймал свою «судьбу». Он напал на «гнездо» золота, получил премию и теперь просаживал свой фарт.

Лавка Спиртотреста на прииске закрыта.

— Комсомольцы, лих их возьми, вынесли постановление. Монахами живем, — ворчали старатели.

Однако те же старатели дружно подняли свои потрескавшиеся руки за это постановление:

— А ну ее к ляду! Как пофартит — все просадишь на ее. Никак из-за ее, проклятой, не подняться.

Но «душа» старателя не выдерживает. А на ловца и зверь бежит. Спиртоносы и шинкари появляются на прииске как раз в то время, когда старателю пофартило и «душа» его ищет утехи в вине. Они продают водку и разбавленный спирт из-под полы по 5 рублей и дороже за бутылку.

ЭР03530

— Пей мою кровь, жила! — бросает ему свои горькие, тяжелые рубли старатель. — Душа моя тоскует.

В толпе стоял старый старатель Семен Михайлович.

— Разве так гуляют? — угрюмо насупясь, заметил он. — Вот мы гуляли, так гуляли!

Вокруг него тотчас же сомкнулись, и он, медленно и важно цедя слово за словом, рассказал, как погулял он по случаю поимки своей «судьбы».

Одно место его рассказа особенно распалило слушателей:

— Ввалился я в лавку и кулаком — о прилавок: «Все покупаю!».

— Кулаком?! — перебил его кто-то, задохнувшись от восторга.

— Эге, кулаком, — повторил Семен Михайлович. — Что глаза увидали, то и купил. Ситца, мыла, керосин тоже, — бери, народ, расхватывай.

— И расхватали? — подхватил тот же восторженный голос.

— Не встревай в мои слова! Слушай и учись! — нахмурился Семен Михайлович и продолжал: — Ну, известно, деньги фартовые, ими и размахнуться охота. Три тулупа купил, друг на друга надел. Нанял всех извозчиков в Чите — езжай порожняком за мной. А сам кумачу навалил, стою в пролетке — кати во-всю. И за край штуку кумачу возьму — взз... разверну и швыряю в грязь, позади себя дорожки из кумача стелю. К концу штуки привязываю другую, к той — третью и так и да-

ЭР03530

лее... Было гуляно! Ден пять дурил — все спустил до полушки. У товарищей потом махры на завертку просил... Дурак, конечно! — неожиданно закончил он и сплюнул.

★

— Эту книжку я наизусть знаю, — похвастал приисковый конторщик, потрясая невероятно потрепанной книгой, без начала, вспухшей от жира. — Я ее может раз двадцать читал.

На прииске книга переходит из рук в руки до тех пор, пока завершит круг. Потом делает новый кругооборот. Зачитывают ее до клочьев.

А приедет свежий человек, особенно «из России», его зовут по очереди в гости и заставляют десятки раз пересказывать одни и те же «новости». Прибытие почты — событие, от которого нередко ведут счет времени.

— Случилось это за неделю до последней почты.

Газеты, журналы, письма прибывают за несколько месяцев сразу. Сложив номера «Известий», приисковый конторщик, у которого я поместился, вооружился очками и принялся читать газеты по порядку с января — дело было в конце марта.

В эту глушь, где жизнь так сурова и тяжка, едут на работу люди «из центра». Я видел такого человека, молодого хозяйственника. Он замуровался здесь на три года и ушел всеми своими интересами в приисковую жизнь. Он жил таежной жизнью, сумел понять и взять в руки старателя и

ЭР03530

сам походил на него. Заросший, обветренный, в унтах [1], в ушанке, он весь день ходил по прииску, обнюхивал каждый шурф, каждую драгу.

— Приехал я сюда чистенький, с портфелем, разумеется, — рассказывал он. — Привычки были городские. И вскоре все это, как шелуха, сошло. Здесь так нельзя. Тайга-матушка.

Но и он, и другие мечтают хоть на неделю перенестись хотя бы в такой «центр», как Рухлово,— дрянной, крошечный городишко, где на улицах грязь по уши.

— Сходить бы в кино. Или, говорят, там труппа приехала. Театр! Ах ты, мать честная! Одну бы только недельку. Ровно омылся бы. Зарядку получил бы.

Мечты, мечты...

— Послушайте, но у вас был недавно отпуск? Могли бы с'ездить.

— Помилуйте! Да как раз тогда у нас началась горячка. Проводим кампанию по социалистическому соревнованию.

Да, в тайге, где газеты читают за полгода сразу, идет социалистическое соревнование. Прииск прииску бросает через сотни километров непроходимой тайги вызов:

— Кто первый?

И молодой хозяйственник не поедет в Рухлово ни в этом году, ни в следующем, потому что надо ставить новые драги, надо увеличить добычу, надо строить, надо, надо...

[1] Унты — меховые сапоги.

ЭР03530

IV. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ДОНБАСС.

Через хребет Сихотэ-Алинь. «Железо кричит — тигр молчит». Путешествие в вагонетке. Полет на «собаке» в шахту. Китайцы-рудокопы. Курильщики опиума. Стройка жизни.

В этот час в Москве — яркий день, только что закончились занятия в учреждениях, трамваи берутся с бою, а здесь глубокая глухая таежная ночь, и высоко горят незнакомые холодные звезды.

— Станция Кангауз.

Дальше нет пути. Железнодорожная насыпь уперлась в крутой бок хребта Сихотэ-Алинь. Крошечная станцийка спряталась в его каменных складках, совсем недалеко — китайская граница.

— Ваша Сучан ходи? Моя неси вещи.

Узкоглазый китаец-рогулька (носильщик), не дожидаясь ответа, взвалил мои вещи на особое приспособление на спине — рогульку. На нем уже навалена гора другого багажа, и впереди меня шагает огромный тюк на сухих ножках, в туфлях на войлочной подошве.

— Мало-мало иди надо, — покряхтывая говорит тюк. — Глаза держи ноги!

Узкая тропа круто взлетает вверх на невидную в бархатной темноте ночи макушку хребта. Приходится в самом деле «глазами держать ноги», которые скользят вниз с этой каменной стены. Из-под ног срывается камень и глухо гремит, скатываясь в черное бездонье. С обеих сторон тропы упорно ползет вверх тайга, черная, как ночь. От-

ДВГНБ

ЭР03530

куда-то — справа кажется, доносится разноголосое металлическое журчание.

По дороге, в вагоне, кореец-крестьянин, весь в белом, пощипывая жидкий пучок волосков на подбородке, с уважением рассказывал о тиграх. Он называл тигра отцом, говорил, что он — «хитрый голова» и что несколько лет назад тигры по ночам выходили из здешней тайги и драли скот в корейских деревнях.

— Тигры есть? — спрашиваю я рогульщика, с опасением вслушиваясь в непонятные звуки, похожие на многоголосое мурлыкание.

— Х-хе, — отзывается впереди тюк. — Ваша ходи, не бойся. Большевика пришла — тигра ушла.

Тропа делает последний взлет, и вот гребень горы. Внизу провал долины, и в ней, точно янтарные бусы, нанизаны два ряда огней, уходящих вдаль, поднимающихся на другой излом хребта. Справа блестит полоса стали. Металлический рокот становится ярче. Сама собой ползет вагонетка с углем на крутой под'ем хребта Сихотэ-Алинь. За шапкой леса на горе — мерцающие сполохи, зарево. Из-за дремотной тайги доносится дыхание динамо. По узкоколейке, перекинутой через горы, на звенящих катушках-блоках стальные канаты тянут вагонетки.

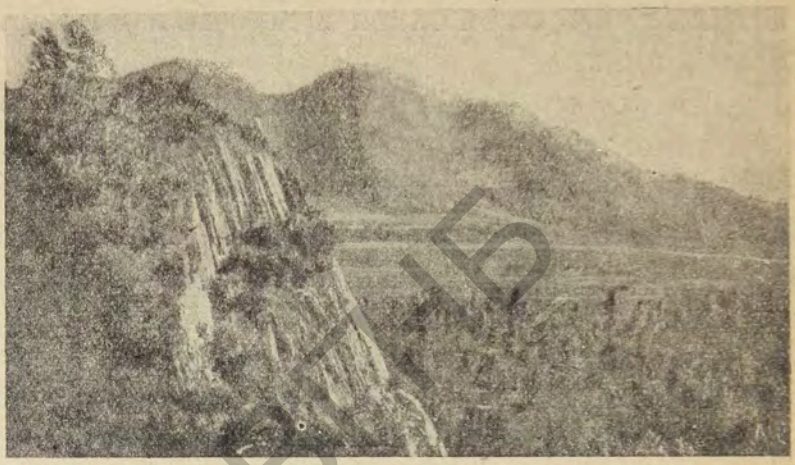
— Тигра молчи — железо кричи, — замечает рогульщик.

...На другой стороне перевала точно такая же станцийка — Держаново. Здесь была дичь, глушь,

ЭР03530

в чаще бродили тигры, бродили таежные охотники, гольды. «Большевика пришла» — заговорило железо блоков и вагонеток.

От Сучана до станции Держаново, а потом через перевал Сихотэ-Алинь бегут вагонетки с углем то по под'емнику на тросах [1], то влекомые паровозом-кукушкой. Бегут бесперебойно, круглые сутки, а оттуда уже по настоящей железной дороге миллионы тонн рассыпчатого, блестящего сучанского антрацита отправляют к голубому владивостокскому порту.

Перевал через хребет Сихотэ-Алинь.

До Сучана еще 40 километров, надо двигаться дальше.

— Пожалуйте в купе! — С напудренного углем лица грузчика, громыхающего железной лопатой в вагонетке, блестит оскал зубов.

---

[1] Трос — стальной канат.

ЭР03530

Я влезаю в «купе», т. е. бухаюсь в пропыленную углем вагонетку, верещит свисток, вагонетку дергает, и с лязгом и грохотом мы летим то в наполненную сизым предрассветным туманом глубину долины, то к вершине хребта, расчесывающего каменными зубьями облака.

★

Сучан — дальневосточный Донбасс. В развертывании нашей пятилетки на Дальнем Востоке уголь Сучана сыграет огромную роль. Он питает край, равный по территории четырем Германиям: Уссурийскую и Забайкальскую железные дороги, амурские и тихоокеанские пароходы, мощный металлический Дальзавод во Владивостоке.

До революции край этот, обильный углем, золотом, лесом, рыбой, пушниной, привлекал банды русских и японских дельцов, которые налетали сюда на «фарт». Один такой рвач в мягком вагоне владивостокского поезда со смаком рассказывал о фартовых временах:

— Что за край, госп... граждане! Куда там Канада! Тут вам и Канада, и Клондайк, и что угодно. Да, не такие теперь времена. Прежде бывало...

У него даже дыхание перехватывало. Упоенный этим «прежде бывало», он продолжал с умасленными глазами:

— Да, китайцы тогда работали за горсть риса, шахты рылись чуть ли не заступами. Не ставили ни креплений, ни вентиляций, ни насосов. Шахтеров в бадьях спускали на канатах. Пустяковые затраты — умопомрачительные барыши. Дело ста-

ЭР03530

вилось самое большее на два-три года. Бывали, конечно, завалы, взрывы, но что за беда? Тогда ведь не было этой, как ее... охраны труда.

А вот и теперешний Сучан. Маленький поселок, стиснутый кольцом гор, прокурен дымом шахтных труб. Бок о бок с приземистыми китайскими фанзами — новенькие рабочие домики с широкими окнами, крылечками. В этом поселке шахтеров все на переломе, все в трудном бою со старым.

— Где же шахта? — ищу я глазами.

— Да вот.

Да, мы в самом деле у шахты. Китайцы гонят вручную вагонетки с углем из низенького строения, скорее похожего на каменный сарай, чем на надшахтное здание. Вход в шахтный колодец, как дверь в погреб.

— А где клеть [1] ?

— Мы сядем в собаку.

— В со-ба-ку?!

— Ну да, в собаку. Не в настоящую, конечно. Если хотите, по-английски это называется скиб. Это нововведение. Прежде спускались на руках. Двести шестьдесят метров.

«Собака», или, если хотите, скиб — это вроде открытого автомобиля, который летит вниз на тросах (стальных канатах) по крутому уклону рельсовой колеи. Мы сели в «собаку», и она полетела.

— Голову ниже!

---

[1] Клеть — род лифта для спуска в шахту.

ЭР03530

Мелькают летящие балки, крепления, рядом несутся вверх другие «собаки», нагруженные углем.

— А если кокнет?

— Бывает. За милую душу. Готово — приехали.

Собачье дело!

— Кого несет?

Из узкой дыры забоя голос гудит, как из бочки. Над жужжащей машиной, выбивающей пласты угля из стены, согнулся пополам полуголый шахтер. Сильное тело в узлах мышц, пропыленное углем, кажется вылитым из бронзы.

— Кто такой? За каким чортом лезешь?

— Посмотреть.

— Посмотреть! Чего тут смотреть? Кто ты?

— Да так.

— Не такай. Кто таков?

— Писатель.

— Вот я тебе пропишу. Бурав сломался, а они, писатели, смотреть... Ах ты... Ну, слушай, коли прилез.

И полились жалобы, переплетенные бранью. Механизация, конечно, правильное дело, шахтер при машине — человек, а не последний собачий сын, как раньше. Но «фазаны» (китайцы), видите ли, приучены работать под палкой и обращаются с машиной плохо: третий бурав нынче сломали, а тут еще писатели разные лазают.

В общем разговор мирный. «Фазан» согнулся тут же и растерянно улыбается. Шахтер нала-

ЭР03530

дил новый наконечник, подобрел и похлопал китайца по голому острому плечу.

— Ладно, работай, ходя (приятель)... Писатель, ежели ты интересуешься, поползем. Распишешь.

Штольни низки и узки, крепление шатко, в шахте идет стройка. Еще толкают вручную вагонетки, еще выволакивают на себе саночники уголь из забоев в саночках, а тут же механики собирают электровоз для тяги вагонеток к скибам, налаживается конвейер для механической подачи угля из забоев, электрифицируются штольни и рудничный двор[1]. А в глубине штольни китаец, лежа на спине, рубит киркой нависший пласт угля, другой китаец ползет на коленях с саночками, третий «пихает» вагонетку к под'емнику.

— Старинка. Жива еще. Распиши, писатель! — просит шахтер.

★

Восемьдесят процентов шахтеров на Сучане — китайцы. Большинство приходит на рудник осенью, а весной разбредается.

— Моя тайга люби, жень-шень ищи, тигра ищи.

Убить тигра — богатство. Его мясо, кости, особенно усы, ценятся китайцами как чудодейственное средство: кто с'ел сердце тигра, тот приобретает отвагу, усы тигра — лекарство от всех болезней.

---

[1] Рудничный двор — место в шахте, где сходятся все штольни и где идет под'ем и спуск вагонеток и людей в клетях.

ЭР03530

— Тигра — большой хозяин. Его убей — много-много имей деньга.

Сучанский забойщик.

Мрачен быт китайцев-рудокопов. Живут в полутемных фанзах. Фанза — это покатая крыша с прорезанными в ней косыми окошками, постав-

ЭР03530

ленная без стен прямо на глиняный фундамент. Внутри — нары, тряпье, сладковатый истошный дым опиума и острый запах бобового масла. С опиокурением идет борьба, пока еще безуспешная.

— Что поделаешь, это в кости в'елось. Да потом до границы — рукой подать, опиум и спирт провозят контрабандой, — безнадежно отмахиваются сучанские культработники.

Четыре китайца на корточках на полу фанзы шлепают с азартом узенькими китайскими картами об пол. Игроки увидели чужого, и сморщенная рука, похожая на сучок, отшаривает кучку серебра под тряпье. На меня глядят узкие непонятные глаза. Желтые лица морщатся в покорной и сладкой улыбке.

— Наша деньга нет играй. Пу-хо (плохо). Деньга бабушке (жене) посылай. Твоя люди откуда ходи?

— Из Москвы.

— Хо! Хо! (Хорошо). Моя — Хубей[1]. Его — Хубей. Вся наша люди — Хубей.

Старик с тоненькой косичкой сидит, поджав ноги, на нарах и курит длинную трубку, струящую ленту приторного дыма. Его глаза затянуты пленкой блаженного полузабытья.

— Его хунхуз,—указывает на него банкомет в кепке, сдвинутой в азарте козырьком на ухо.—Зима работай, летом ходи тайга. Худой его люди есть.

Старик осклабляет выщербленный рот и вторит в блаженстве:

[1] Провинция в Китае.

ЭР03530

— Моя охотника. Тайга тихо. Дерево тихо. Паф, паф! — стреляет он синими губами. — Изюбря убил, рога продавай. Тайга — хо!

На этой невероятной тарабарщине мы продолжаем беседу.

— Ваша почему здесь ходи?

Кое-как об'ясняю. Китайцы переглядываются, обступают меня тесно, говорят все вместе. Везде на свете «худой люди». Почему «большевика» требует записываться в профсоюз? Китаец — бедный, союз надо «деньга плати», а в Хубее — «бабушка», надо деньга «Хубей посылай».

Китайцы боятся записываться в профсоюз.

— Пу-хо! — мотают они головами. — Здесь союз пиши — моя в Китай ходи, голова — чок, руби.

И вдруг, неожиданно:

— Моя большевика.

Молодой китаец с ископанным оспинами сухим лицом ударяет себя в грудь:

— Большевика — хо!

Он вытаскивает из-за пазухи что-то завернутое в тряпье и долго разматывает тряпку. Там ладонка для счастья — сухой корешок жен-шеня — и какая-то бумага. Он разглаживает осторожными ладонями залосненную бумагу. На ней напечатано что-то китайскими иероглифами. Из Китая пронес он на груди вместе с чудодейственным жень-шенем прокламацию китайской компартии.

— Наша большевика! — восторженно выкрикивает он, размахивая розовой бумагой. — Моя

ЭР03530

ходи туда, ходи сюда, солдат стреляй — не боюсь.

Он — из Шанхая, — там у него молодая «бабушка». Сложив губы в улыбку-гримасу, он обводит пальцем свой затылок — его «бабушка» «стриги голова», потому что и она — «большевика».

Он не один среди китайцев-рудокопов. На руднике есть и китайцы-комсомольцы. Молодая китаянка, окончившая КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока) в Москве, ведет в фанзах культработу. Она приходит в фанзу с книжкой, напечатанной такими же иероглифами, садится на нары в кружке шахтеров и читает нараспев. Из глаз ее брызжет узкое острое пламя. Она говорит этим людям об их родном, уже потрясенном революцией Хубее и о социалистическом строительстве. С трудом подбирая слова, она старается об'яснить мне, что здесь, в Сучане, на грани земли советской, великая стройка кипит не только в шахтах, но и в людях...

V. ВДОЛЬ ПОБЕРЕЖЬЯ ТИХОГО ОКЕАНА.

Золотой Рог. Кета идет. Остров слез. Письмо с острова Беринга в ярославскую деревню. Рыбья одежда. Море-контрабандист. Нерпа — любительница музыки. Маяк у полярного круга. Японец закон крадет.

Во Владивостоке знакомый моряк, Иван Алексеевич, сказал мне:

— Теперь поехать на Камчатку — пара пустяков. Возьмите билет в конторе и катите в свое удовольствие.

ЭР03530

— А далеко до Петропавловска?

— Пустое. Две недели рейс — всего дела. Море теперь доброе.

В бухте Золотой Рог дымились пароходы Совторгфлота. Огромный океанский пароход-чудовище «Трансбалт» только что прибыл из Одессы через Суэц, Бомбей, Шанхай. Он разгружался. У его борта копошились на трапах грузчики, казавшиеся муравьями. Железные клювы лебедок поднимали из трюма по нескольку громадных мешков с сахаром и, поворачиваясь с лязгом на длинных железных шеях, опускали их на пристань. На бирюзовой зыби, сверкавшей солнечными зайчиками, прыгали рыбачьи шхуны, парусники, катеры.

«Пара пустяков», о которых сказал мне Иван Алексеевич, — это 15 тысяч километров вдоль берегов Приморья. Владивосток находится на параллели итальянского города Флоренции, где зимой цветут розы, в тайге Уссурийского края под Владивостоком бродят тигры, а в конце рейса пароход, отчаливший в Золотом Роге, встретит в Охотском море китов и моржей.

Воет сирена. Через несколько минут пароход отчалит. Его рейс—до острова Беринга, где в июне встречаются в море ледяные горы. По пути он причалит к Сахалину, в гавани Николаевска на Амуре он выгрузит муку, спички, мануфактуру для населения этого рыбачьего города, в который в течение полугода можно попасть только на собаках. Он зайдет в Охотск, а у Беринга мы увидим котиков.

ДВГНБ

ЭР03530

Палуба забита рабочими, отправляющимися на рыбные промыслы. Тут все племена и наречия. Звенит музыкальная украинская речь, галдят китайцы, ламуты с Камчатки сбились в свою отдельную кучку — от них остро пахнет рыбой, на них одежда, искусно выделанная из рыбьей кожи.

— Кета пошла.

Только через неделю я узнал, что это значит.

— Кета семь лет зреет, раз родит и — помирает, — сказал старик-рыбак Порфирыч.

Кета — большая рыба, до метра длины, род семги. В свинцовых водах Тихого океана, которые вспенивает винт нашего парохода, кета «зреет», а достигнув семилетнего возраста, заходит в устья рек метать икру.

Через море к берегу тянется широкая молочная полоса. Промысловые рабочие столпились у бортов. Их лица оживлены.

— Поднялась уже. Здорово идет.

— Гущина какая. Поди, как в прошлом году, не управятся.

— Что это там? — спрашиваю я Порфирыча про мутную полосу.

— Да кета же. Кета текет, — отвечает он, не отрывая возбужденного взгляда от рыбьей реки, текущей по морю.

Кета идет сплошными многомиллионными стаями. Могучий инстинкт размножения гонит ее в мелководные речные нерестелища (места икрометания), потому что ее мальки могут жить только в пресном мелководьи. Но там кета умирает, за-

ЭР03530

дыхаясь от разницы в плотности воды. Она идет вверх по Амуру, Анадыри, Уссури, Охоте, по протокам и речкам, забирается в мелкое место, откладывает крупную красную икру, самцы поливают икру оплодотворяющими молоками. Теперь потомство будет жить, но отцы и матери разбухнут и погибнут.

Над рыбьей рекой стоит птичий галдеж. Тучи бакланов и чаек налетают со всех сторон. Их резкий крик противен. Они опускаются на воду, качаются на волнах, как белые поплавки, ныряют, дерутся в воздухе. Доносится острый запах рыбы.

Вода в устье Амура у Николаевска точно кипит. Рыбьим стаям тесно в широком Амуре. Они образовали затор, как толпа у тесных ворот. В солнечном воздухе то-и-дело взблескивают стальные полосы чешуи. Огромная кета выскакивает из воды, стараясь опередить своих товарок и войти вне очереди в реку.

Шел засол свежей кеты. С полсотни женщин ловко работали ножами у чанов, вспарывая и потроша огромные рыбины. По желобам текли красные тугие потоки кетовой икры. Отдельно заготовляли так называемые «кетовые пупки» — жирные брюшки кеты.

Порфирыч ходит по промыслам, как пьяный. Его, старого промыслового волка, захватила горячка.

— Вот это богатство, чистое золото! — кричит он, захватывая горсть слизлой сырой икры и пробуя ее несоленую. — Где ты сыщешь еще такое

ЭР03530

место на земле? — обращается он ко мне. — Тут тебе и кета, и сельдь, и горбуша, и крабы. Мильены текут — расставляй только сети.

Он торопится. Вместе с своей артелью он поднимается вверх по реке Камчатке, пока рыба не положила икру.

— Поспеть бы, — озабоченно хлопочет он. — А то опоздаешь — уснет кета.

Промысловая заготовка кеты дает в год до 80 000 тонн. Рыбаки делятся на «хозяйских» и артельных. «Хозяйские» нанимаются на сезон в государственной организации — Дальрыбе, а артельные работают на «фарт», т. е. на свой риск и страх, сбывая улов той же Дальрыбе.

Пароходная сирена зовет на борт пассажиров. Порфирыч ударяет жесткой рукой по моей ладони:

— Давай руку на прощание. Твоя рука легкая — нюхом чую. Прощевай.

★

Солнце садится в свинцовую воду. Вечер долго меркнет, и окунувшееся в море солнце долго еще дрожит розовыми отблесками на склоне неба. Ночь — белесая, сумеречная, в зеленовато-пепельных сумерках лица кажутся мертвенными. Море все время зыбит, и волны с парохода кажутся масляными, тяжелыми.

Берег бежит узкой серой полоской на горизонте слева. Он в двух-трех километрах. С левого борта он хорошо виден в бинокль. Тайга давно пропала. Потянулось бесприютное побережье,—то серый камень, скалы, над которыми реют белыми

ЭР03530

хлопьями чайки, то плоская тундра с одинокими карликовыми полярными березками.

Знакомый моряк Иван Алексеевич отбыл вахту и стоит у борта. Его грубое, обветренное лицо точно ощетинилось. Подстриженные рыжеватые усы вз'ерошены, над глубокими глазами нависли серые кусты бровей. Он зажал в зубах толстую папиросу и жует ее мундштук.

— Скверное море! — бурчит он.

Он чем-то недоволен и хмуро поглядывает за правый борт. Мы идем Татарским проливом. Далеко, на правом горизонте, поднялась из моря длинная серая тучка.

— Сахалин, — бросает он и хмурится еще сильнее.

— Соколиный остров, — подхватывают палубные пассажиры, рабочие и собираются у правого борта.

Эта тучка — каторжный остров, «остров слез», где царское правительство держало под присмотром жестоких тюремщиков-мордобоев тысячи людей. На «острове слез» забивали розгами до смерти, и, если арестант, растянутый на «кобылке» для порки, не выносил предписанного начальством количества розог и умирал раньше, продолжали пороть мертвеца, чтобы исполнить «закон». Недаром в старину в тюрьмах сложилась пословица: «Кто на Сахалине не бывал, тот горя не хлебал».

Теперь Сахалин уже не «остров слез». Сахалинская каторга сгибла, тюрьма разнесена до последнего камня. Там сейчас высятся нефтяные вышки,

ЛВГНБ

дикие туземцы Сахалина—айны, которые вымирали при царизме, посылают детей в советскую школу. Маленькие айны ходят в пионерских галстуках.

— Будет боковая качка, — хмуро предупреждает меня Иван Алексеевич. — В этом проклятом месте — сквозняк. Чорт бы его взял, этот сахалинский тайфун! Не будете спать всю ночь.

По палубе бродит женщина в белых аккуратных лапоточках, в белом зипуне, в белом платочке. Она прислушивается к разговорам. В глазах у нее страх и тревога.

— Ну? — останавливает ее Иван Алексеевич и, широко расставив ноги, рассматривает ее исподлобья. — Откуда, баба, едешь?

Она обрадовалась человеческому слову — она одинока на пароходе.

— Издалеча, родной. Ярославская.

— Фьют! — свистит моряк. — Эк, куда тебя закинуло! Куда же тебя несет?

Она суетливо роется за пазухой и вытаскивает мятую бумажонку — «адрест».

— Погляди, родной. Чай, близко уже.

— Ну и близь! — усмехается Иван Алексеевич. — Это четыре тысячи километров за Петропавловском. Туда пароход заходит раз в три года. Чего тебя, баба, туда тянет?

Потупясь и перебирая концы платка, женщина рассказывает, что ее выписал с родины на край света свояк.

— Замуж зовет. — Она показывает письмо. — Почитай, родной, ты, видать, ученый. А то читали

ЭР03530

грамотеи. Неятно выходит. Либо он сам замуж зовет, либо сулит за кого замуж отдать. Неятно читали.

— Эх ты! Как же ты едешь к чорту на рога, коли самой «неятно»? — улыбается еще шире Иван Алексеевич, и хмурые морщины разглаживаются на его переносице.

— Нам все одно, где жить. Везде, чай, солнце светит. Читай, милый.

В письме после обычных бесчисленных поклонов родне и знакомым — странная просьба.

«Посылаю тебе денег 20 червонцев, не обмани, приезжай ради бога и не мешкай, чтоб к пароходу поспеть, а то тяжело в хозяйстве без женской руки. Уже наши в Хабаровск бумагу посылали, и в Москву к товарищу Калинину тоже, чтоб наша советская власть вошла в наше положение».

Иван Алексеевич читал письмо и не смеялся. Он знал эти гиблые места и знал камчатских поморов, заброшенных борьбой за хлеб за Берингов пролив, на безлюдное побережье, куда однажды в три года причаливает пароход и приносит вести из далекого мира.

— Верно! — повеселев, ободрил он женщину и потрепал ее по плечу. — Не смущайся, баба, народ там хороший, даром что далекие места. Женщину там действительно уважают.

Это была для него непривычно длинная речь. Он насупился и швырнул недокуренную папиросу за борт.

ЭР03530

— Спасибо, родной, — кланялась женщина.— Вот теперь все ятно, как на ладошке.

— Отчаливай! — сумрачно оборвал ее Иван Алексеевич и, косолапо шагая широко расставленными ногами, пошел к себе в каюту.

На пароходе в Охотском море.

Пароход качало, засвистел ветер. Начинался тайфун.

Берег Камчатки угрюм — тундра и голый камень. Тайга давно убежала назад. Нигде ни деревца, если не считать карликовой полярной березки.

Пароход стоит на причале. Спустили шлюпку. Свинцовая волна высоко подняла ее на свой хребет. Шлюпка скользнула по склону водяной горы. Над нашими головами навис пенистый гребень. Иван Алексеевич сказал что-то. Его слов не слы-

ЭР03530

хать из-за грохота волн. Их удары — точно орудийная канонада. Матросы налегли на весла, и мы скользнули по водяной долине к берегу.

На берегу лежали перевернутые длинные легкие лодки. Иван Алексеевич ошарашил меня вопросом:

— Ну, как думаете, где туземцы берут дерево для лодок?

Вопрос был заковырист. В самом деле, откуда камчадалы берут в своих безлесных местах материал для лодок и снастей? Не доставляют же его за тысячу километров из Большерецкой тайги?

Подле лодок стояли низенькие плотные ламуты. Это были плосколицые люди с крошечными носиками и черными глазами, точно изюминки, втиснутые в желтоватое тесто. От них невыносимо несло сырой рыбой и ворванью. Все они говорили по-русски. Один из них указал сморщенной коричневой рукой на край моря, над которым стояло большое тусклое солнце.

— Америка, — усмехнулся он.

— Да, из американского леса, — подтвердил Иван Алексеевич.

Это вовсе не означало, что камчадалы добывают лес в Америке.

— Вода лес несет, — сказал камчадал.

Весною американские деревья, подмытые таянием снегов и половодьем, вырванные с корнем, уносит течением к берегам Камчатки. Камчадалы вылавливают его «кошками». Берингов пролив

ЭР03530

бесплатно и беспошлинно снабжает их лесом с обрывистого западного берега Соединенных штатов.

Солнце поднялось, но море было серо. Здесь оно кажется тяжелым, свинцовым и всегда зыбит. Но нам повезло. Вставал редкий в этих местах погожий день.

На «американских лодках» мы сделали небольшую экскурсию. Гребец-ламут только окунал длинное двухлопастное весло, и лодка неслась стрелой, разрезывая тяжелую воду.

Рыбий запах от ламутов не проходил. На них была одежда из странного полупрозрачного материала, совсем непохожего на ткань. На полах куртки и краях рукавов вились тонкие голубоватые узоры. От этой одежды и пахло рыбой.

Я спросил ламута: из чего сделана его куртка. Он осклабился, открыв гнилые корешки своих испорченных зубов.

— Рыба, — сказал он.

У нас говорят в шутку — «шуба на рыбьем меху». Узкоглазые ламуты были, в самом деле, одеты в рыбьи шкуры. Они обрабатывают особым способом рыб, рыбью кожу и шьют из нее куртки и штаны. На ногах у них были сапоги из шкуры морского животного — нерпы. Это уже, действительно, был мех, серебристый с коричневыми пятнами. Одежда ламутов приспособлена для моря — она совершенно непромокаема.

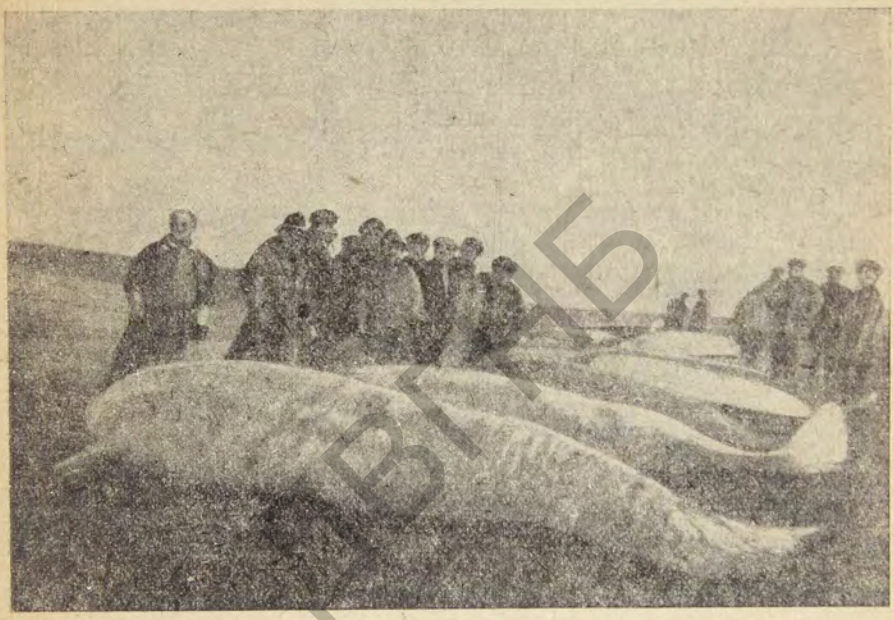
Едва мы выехали в море, как за следом каюка (лодки) показались в воде круглые ныряющие головы.

ДВГНБ

— Дельфины? — спросил я.

— Нерпа, — ответил Иван Алексеевич.— Любопытные, черти.

Ламут достал деревянную дудку и задудел какой-то тягучий мотив. Ныряющие головы быстро приближались. Можно было уже ясно разглядеть

Нерпа.

серебристое веретенообразное животное с ластами, с сильным хвостом, похожее на тюленя, но значительно меньше его — метра три от хвоста до морды. Нерпы шли за лодкой стаей, показывая из воды тупые морды и блестя черными живыми любопытными глазами.

Вдруг послышался лай. Собачий лай в открытом море. Это лаяли нерпы. Они облаивали музыку.

ЭР03530

Любознательные животные подплывали почти вплотную к лодке и разглядывали нас своими почти человеческими глазами. Стая зачарованно плыла за нами, увлеченная дудением ламута.

— Любят музыку, черти, — заметил Иван Алексеевич и, взяв весло из рук ламута, ткнул им в морду слишком близко подплывшей нерпы.

Она взлаяла, сверкнули белые клыки. Иван Алексеевич рывком отдернул весло. Но было поздно. Нерпа откусила половину его лопасти. Ламут покачал головой.

— Нерпа дразнить не надо, — сказал он. — Сердитая — беда!

Камчадалы охотятся на любознательную нерпу с острогами и стараются убить ее одним метким ударом, потому что раненая нерпа, особенно самка, отважно бросается к лодке, откусывает весла и даже вонзает свои клыки в борта. Ее мясо не едят даже камчатские собаки, которых кормят юколой [1]. Бьют ее из-за непромокаемой шкуры. Она идет на сапоги, на куртки, на покрышки для ранцев. Промысел этот еще в зачатке и сулит краю миллионы дохода.

★

Сегодня на редкость солнечное утро. Океан сверкает золотой рябью. Вчера во время тайфуна что-то испортилось в машинном отделении парохода. Он будет чиниться два дня у этого угрюмого голого берега. Иван Алексеевич не в духе. Он ды-

[1] Юкола — сушеная рыба.

ЭР03530

мит, как пароходная труба, и ругается. Но мало-по-малу солнце разгоняет его скверное настроение. На талях спускают шлюпку. Мы едем на берег.

Высоко на скале стоит маяк. Это высокая круглая башня из серого камня. В ней живут два человека — смотритель и сторож. Кругом маяка — тундра, безлюдье, океан. Пароходы здесь проходят редко и никогда не причаливают, разве если случится какая-нибудь беда.

Смотритель и сторож привыкли к одиночеству и молчанию. Старик-смотритель несловоохотлив. Сторож совсем молчит. Кажется, эти люди, заброшенные на пустынный полярный берег, разучились говорить. Они слышат здесь только грохот волн и вой тайфуна. В туманные дни сторож раскачивает на вышке язык колокола, и колокол посылает в океан морякам тревожный медный звон.

— Здравствуйте! — поздоровались мы со смотрителем.

— Угу! — угрюмо отвечает он.

Седая бородка на его щеках похожа на плесень. В его комнате пахнет отсыревшим камнем. На сырой стене, над кроватью висит ружье. В углу — рыбачьи снасти.

— Газеты? — коротко спрашивает он.

Точно голодная собака кость, он уносит их в темный угол, где стоит жалкий трехногий стол, заваленный рыбачьими принадлежностями. Руки его дрожат, разворачивая серые листы.

ЭР03530

Я пытаюсь расспросить об его жизни. Он с недоумением смотрит на меня через большие круглые очки в железной оправе и отвечает:

— Живем. Письмо мне, часом, не привезли? Нет? Угу!..

Вдруг он отворачивается, снимает очки и глухо ворчит что-то в углу.

Иван Алексеевич берет меня за рукав и тихо выводит из комнаты смотрителя.

— Года три назад с ним жила здесь дочка, — рассказывает он. — Не выдержала, уехала в Петропавловск. Старик все ждет письма.

Молчаливый сторож сидит на камне и чинит сети. Не поднимая головы, он ворчит что-то, показывая рукою в мреющую желтоватую даль берега. Там желтеется отлогая песчаная отмель. Какие-то темные кочки шевелятся на ней. Их много.

— Котик, — говорит Иван Алексеевич.

Я хватаюсь за бинокль.

*

В бинокль видно было, как на берегу грелось стадо веретенообразных морских зверей, черных от воды. Они выползали из моря семьями — самки с детенышами, самцы отдельно и, расправляя ласты, подставляли солнцу то бока, то спины, то брюшко. Обсыхая, их шерсть становилась бурорыжей, сливаясь с цветом песка. Они походили на нерпу — такая же собачья голова, ласты, хвост — только значительно крупнее ее. Неловко переваливаясь на ластах, они переползали на солнечные места.

ЭР03530

Мы подошли, насколько возможно было, близко. С нами был камчадал с парохода, ехавший на далекие китобойные промыслы у Беринга.

— Закон, — неодобрительно качал он головой.

Он был очень недоволен законом, который регулирует добычу этого ценного зверя, охраняя его от поголовного истребления, и дрожал, как в лихорадке, от охотничьего азарта, охватившего его при виде большого котикового стада.

— Зачем закон? Много котика. Палкой бей.

— Как палкой? — удивился я.

— Так бей.

Он взмахнул рукой, показывая, как бьют дубинками котика. Размахивая руками, подскакивая, он горячо рассказывал о тех временах, когда не было запрета и когда котика били вольно.

— Люди палку брать, итти, самцов гони далеко, самок бей.

Охота на котика проста и отвратительна. Вооружившись дубинками, туземцы отгоняют свирепых самцов от стада и перебивают самок и детенышей. Кровь и мозг разлетаются брызгами во все стороны. Эта бойня продолжается до тех пор, пока уцелевшая часть неповоротливых животных не уползет в воду. Таким хищническим способом охоты котик почти целиком истреблен. Поэтому ВЦИК был вынужден издать закон, временно запретивший добычу котика.

Камчадал показал мне необработанный мех котика. Он был неопределенно рыжего цвета — совсем не тот нарядный коричневый мех, за который

ЭР03530

платят сотни рублей. Его обработка очень кропотлива и трудна. Рыжие остья шерсти осторожно выщипывают — остается черно-коричневый шелковистый подшерсток.

★

Далеко на зеленой грани моря маячит крыло паруса. Камчадал сердито плюет и начинает ругаться на непонятном языке. Иван Алексеевич усмехается.

— Эк, его разбирает! А ну-ка еще, — подзадоривает он камчадала.

Тот ругается еще сильней и размахивает кулаком в сторону моря.

— Японец закон крадет, — кричит он, плюясь и рыча.

Он больше завидовал, чем злился на японцев-браконьеров (хищников), которые, обманув надзор и закон, бьют тайком запрещенного котика.

Хищническая японская шаланда держалась далеко. Видимо, японцы заметили пароход. Вскоре шаланда пропала. Они боялись нас — из-за незаконной охоты за котиком в советских водах, наше правительство уже несколько раз посылало ноту Японии.

А камчадал, только что-то не одобрявший закон, который запретил бой котика, сразу встал на сторону закона.

— Палку надо. Ружье надо. Пушка надо, — кричал он.

— Зачем? Котика бить? — язвительно спросил его Иван Алексеевич.

ЭР03530

— Котика не надо. Закон есть. Японца бить надо. Почему крадет? — волновался он, чувствуя себя хозяином камчатского котика.

Сирена на пароходе густо завыла, призывая нас на борт. Котиковое стадо, испуганное ее ревом, заволновалось. Вспенивая воду, котики уходили с берега.

Угрюмый смотритель провожал шлюпку молча. Мы попрощались с ним. Он наершил седые брови и, как давеча, пробурчал:

— Угу!

И повернувшись пошел, не оглядываясь, к серой башне маяка.

ДВГНБ

ЭР03530

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. В Уссурийской тайге	3
II. Покорители тайги	19
III. Золото Зеи	29
IV. Дальневосточный Донбасс	52
V. Вдоль побережья Тихого океана	62

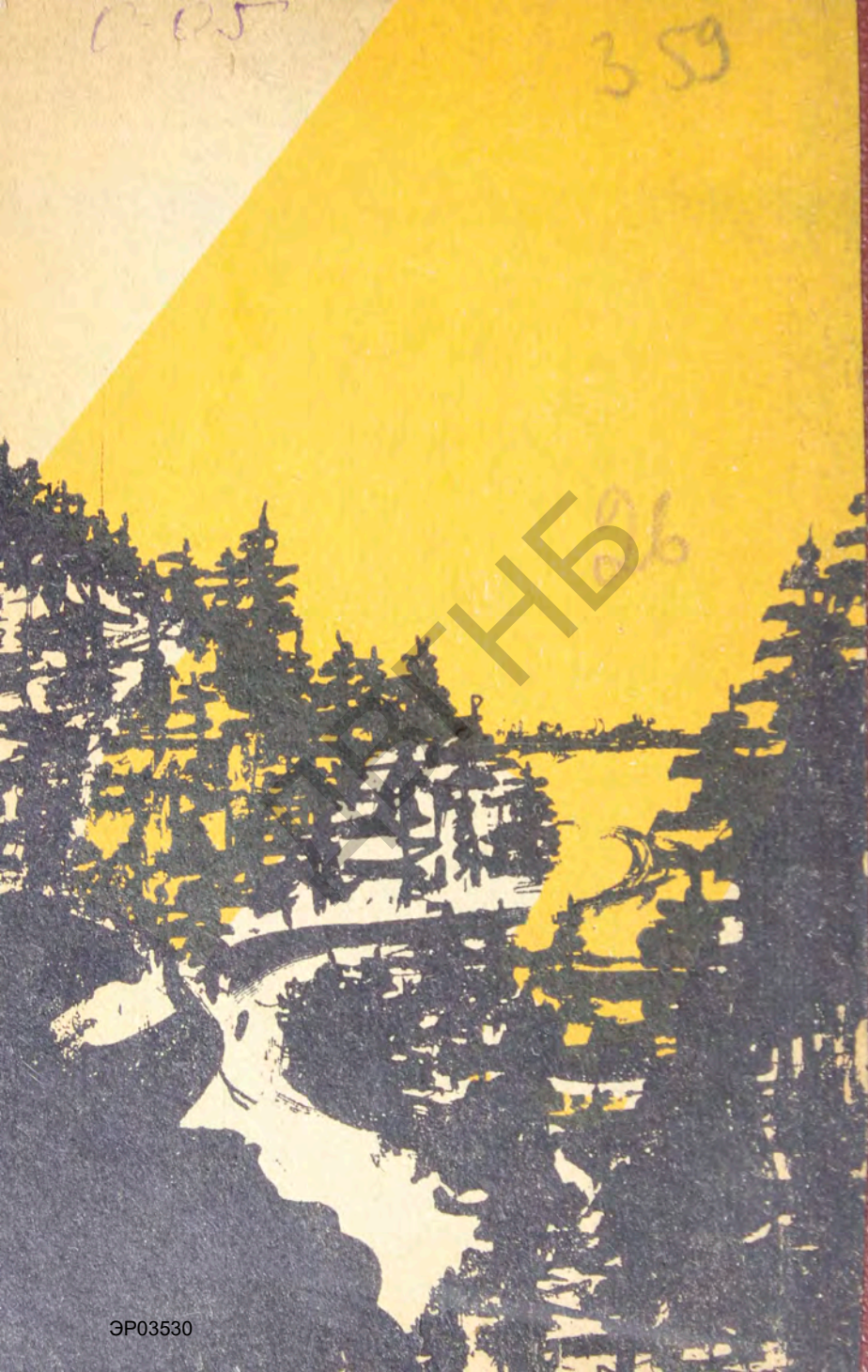
ДВГНБ

ЭР03530

ДВГНБ

ЭР03530

С-125
359

ЭР03530